

Борис КОЛЕСОВ

г. Москва

БУДУ ВАС ПОМНИТЬ

*Хроника
неожиданных
событий*

ВДОГОНКУ

За стеклом...

Смотрю во все глаза. Там возница — сержант в громыхающей артиллерийской повозке. Он щёлкает кнутом. Стоя на коленях, гаркает на лошадь:

— Давай пошевеливайся!

Та машет хвостом, дёргает головой. Переходит на ленивую рысцу.

Провожая повозку взглядом и вижу на противоположной стороне дороги капитана и старшего лейтенанта.

Они чуть не бегом пересекают наискосок проезжую часть. Я стараюсь понять: не их ли видел в «Мерседесе»? Тем временем подозрительная парочка скрывается за обрезом оконного стекла.

Нечего и говорить, мы — не сговариваясь — кинулись вон из комнаты. Скатываемся как можно быстрее с кирпичных ступенек крыльца.

Выскакиваем на бульжную мостовую. Анна-Лора встревоженно торопится следом за нами.

— Потом, потом! — кричу ей, оборачиваясь.

Младшему Суранову не пришлось разъяснять нам свою новую идею. Она, как говорится, на все сто наглядна. Если двое из «Мерседеса» заметили «Симку», летевшую позади, то догадались: она может свернуть, чтобы помчаться на перехват. Автомобильная дорога будет в обязательности перекрыта. Поэтому черный лимузин вернулся назад. Что замышляют эти налёгчики теперь?

— Бегу за ними! — говорю друзьям. — Надо проверить, куда направляются.

— Это можно, — соглашается Колян.

Не возражает и Костик.

Возница по-прежнему размахивает кнутом, а два притких офицера уже далеко — маячат в конце улицы.

Мы дружно пускаемся вдогонку.

Вдруг замечаю, что следом за нами всё

(Окончание. Начало в № 5-6, 2021)

равно спешит Анна-Лора. Даю отмашку рукой, показываю, чтобы поворачивала назад. Ей, небось, нужно картошку чистить к обеду. Оставит брата голодным — он ей прочитает мораль! А нашей четвёрке нежелательно портить с ним отношения.

Ей отмашки не указ. Девчонка — ни в какую! Глядит на меня, отрицательно мотает головой, пытается не отставать. Косички себе прыгают, фартук трепыхается цветастым флажком у помощницы на боку.

Была тихая, смиренная. И вот на тебе — упрямится на манер Самопалова. Странно всё это. Но через минуту до меня доходит: необычное поведение гостей встревожило её. Может, понадобятся троице другие подсказки? И тогда она побежала вслед за нами. Из одного только чувства бескорыстной дружбы.

Тем временем нас обгоняет повозка.

Сержант даёт громкие указания своей коняге, стоя во весь рост в повозке. Можно подумать, у него нет иного желания, как взять и догнать быстрые офицерские фуражки. Скорее всего, для нас они много интересней. Факт — сейчас удаляются в сторону проходной. Между прочим, там территория воинской части: танковый парк полка, ремонтные мастерские, казармы.

Замедляю шаги:

— Слушайте! Если капитан и старший лейтенант бандиты...

— Не ошибаешься, — солидно, с полным пониманием говорит Самопалов. — Когда офицеры переодетые, то не пожелают беседовать с дежурным.

Сильно сбавляем свою скорость.

— Ненастоящие или настоящие, — приступает к вьедливым рассуждениям Костик. — На проходной у каждого потребуют показать документ. Тогда у меня вопрос насчёт офицеров: они были в «Мерседесе» или не они?

Все пристально глядят на меня. Даже Анна-Лора, которая полностью ещё не в курсе наших дел, смотрит вполне озабоченно: отвечай поскорей, раз надо знать ребятам!

А что могу сказать?

Торопятся куда-то капитан и старший лей-

тенант. Они вправе спешить в свою часть. Если, к примеру, получили вызов от солдата-вестового. Порядок в армии известный: без промедлений выполняй приказ.

Что касается тех — в чёрном лимузине — поди вспомни, какого они роста, каковы у них лица. Далеко не дураками были седоки, имели понятие насчет маскировки. Отворачивались, пригибались. Так что ничего мудровато исключительного нельзя от меня услышать. Поэтом отвечаю так:

— Остаётся одно. Без лишней суеты идём к проходной и наблюдаем.

Сейчас всё решится. Дежурный не спеша открывает ворота.

Выезжает, фыркающая и пускающая клубы сизого дыма, бронетранспортёр.

Створки ворот распахнуты. Туда устремляется повозка, обогнавшая офицеров. Лошадь косится на вонючую машину, всхрапывает, строптиво задирая голову. Вдруг начинает бить копытами.

У проходной — небольшая кутерьма. Сержант пытается привести норовистую лошадь в чувство. В свою очередь дежурный лейтенант строгим голосом велит проезжать быстрее.

Коняга бузит — считает, что ей никто не указчик, когда этот едкий бензиновый аромат так сильно шибает в ноздри.

Что делают между тем подозрительные личности? Они имеют отличную возможность под шумок свернуть в безлюдный переулок. Или — прошмыгнуть втихаря на территорию части. Не угадаешь, что сейчас произойдет. Ведь случись тут стрельба...

Мы прижимаемся к стене дома.

Костик, правда, загляделся на проходную, замешкался на тротуаре. Самопалов, лучше всех знакомый со свистом пуль, быстро утягивает нового приятеля под прикрытие кирпичного выступа.

Развязка приближалась.

Повозка прошла в открытые створки. Осипший сержант продолжал уговаривать тягловую силу, которая не прочь была опять взбрыкнуть. Большого желания быть послушной при всех стараниях возчика у нее все-таки не наблюдалось. Дежурный вскидывает ладонь к козырьку, приветствуя подошедших офицеров. Они кивают, словно завидели хорошего друга, и

спокойно удаляются в сторону казарм. Никто не требует у них документов.

— Слушай! — говорю Самопалову. — Что такое? Нарушение устава.

— Вижу, — он хмурится. — Это непорядок.

У нас мысли схожие. Если на территорию части прошла парочка тёмных личностей, дежурному не избежать трибунала. Эх, так обмислился! Небось, необстрелянный ещё, плохо соображает.

Спокойно стоять не могу. Какая муха укусила? Испугался, наверное: странная парочка сейчас растворится, исчезнет между кирпичных казарменных коробочек. Случилось то, что случилось. Не стал вести долгие разговоры — рванулся, помчался к воротам.

Здесь дежурный крепко хватает за плечо:

— Стой!

Пытаюсь вырваться. Но лейтенант не сдаётся. Держит цепко:

— Минуточку. Куда вы собрались, юноша?

— Туда, — киваю в сторону удаляющихся по аллее двух странных офицеров.

— Нельзя туда.

— Мне обязательно тут... нельзя. Тем обязательно... можно?

Страшно был зол на дежурного. До такой степени, что растерял все слова и только молча продолжал выкручиваться.

Костик приходит на выручку. Покинув укрытие, подсказывает:

— Пропустите, пожалуйста. Очень надо.

Тот усмехается. Отрицательно качает головой. Дескать, бегают здесь всякие. И дежурному нипочем не понять, что им надо.

Вижу поодаль на тротуаре Коляна. Кажется, ему всё ясно: нам не прорваться, пора отправляться восвояси. Независимо засунув руки в карманы брюк, дружок сильно пинает своим тяжелым ботинком подвернувшийся камешек.

Красноречиво у него получилось. Однако нет у меня желания безропотно уходить.

— Почему тем двум всё у вас можно? А нам ничего нельзя? — в полном отчаянии кричу и снова пытаюсь вырваться.

Получаю внушительный ответ:

— Они офицеры.

— Вы их знаете? — подступает к лейтенанту Костик.

— Конечно. Это командир нашей роты и комвзвода.

Вопрос мудрого «парижанина» показал — парень первым среди нас дотумкал до истины. Ничего не поделаешь, нужно давать отбой наступлению на проходную.

Опускаю понуро голову. Пусть дежурный сечет ее, повинную, острым мечом. Какой здесь трибунал, когда мы сами нарушители тишины и всяческого спокойствия?!

Приближается Самопалов. У него мрачный вид, отражающий четкую мысль: о чем нужно теперь думать? о том, как оставить в покое проходную танкового полка.

— Пошли отсюда!

Костик послушно идёт следом за Коляном. Он весь в размышлениях, однако высказываться пока не собирается. Мне деться некуда, виновато бреду позади. Вслух, пусть и не очень громко, оправдываюсь — рассуждаю насчет некоторых. Они, завидев капитана и старшего лейтенанта, сразу готовы посчитать их налетчиками. Костик понимает, в чей огород камешки. Он тоже вслух, пусть и не очень громко, начинает удивляться насчет легкомысленного поведения некоторых. Тех самых, которые чуть что готовы устроить бучу в проходной воинской части.

Мы слышим примирительный голос Анны-Лоры. Он обнадёживает нас. Звучит очень успокоительно. На такой доброй ноте, когда не хочется переживать здесь попусту. Самопалов с привычным своим упрямством заявляет:

— Нечего друг друга обвинять. Раз нам кое-что известно, можно и не прекращать поиски этих. Которые настоящие бандиты.

Анна-Лора уже догадалась: фрау, а также глава нацистов для нас троих представляют особый интерес. Спокойно, будто ничего не случилось, предлагает:

— Если не возражаете, я продолжу. Кое-что ещё расскажу про бывших. Хозяйкин жадный брат буквально за несколько лет разбогател так, что наши взрослые соседи поражались. Боялись его, конечно, и ждали: этот недавний лавочник вот-вот приберет к рукам все по округе лавки. В те времена, когда в городе была власть фашистов, это легко...

Продолжать беседу? Посреди булыжной мостовой? Прерываю тихую неспешную речь:

– Погоди.

Самопалов озирается, глядит влево и вправо, неохотно поддерживает:

– Рассказ интересный. Обстановка для него...

– Неподходящая, – Костик морщится, трет глаза. – Нужно всё обдумать, а тут ветер в лицо. Он пыль несет. Неприятную.

Анна-Лора должна понять: мудрейшему среди нас трудно сосредоточиться. Ему не хочется упускать из виду важные детали повествования. Однако здесь, на дороге, обстановка заставляет с пылью бороться. И детали как раз упускать. Раз поднялся ветер на улице, нам лучше побеспокоиться – уйти с проезжей части. В сторонке встать и решить, куда податься. Но если направиться ко мне домой, там найдутся такие занятия – именно что по хозяйству. Похожая история поджидает нас у Самопалова, разве я не прав? Мы должны иметь в виду: трудно будет доказать, что дела домашние в обязательности могут подождать. Ветер тем временем дует всё крепче. Из окраинных развалин городка выползает густое облако пыли. Оно валом валит, многозначительно обещает повторение грозных недавних событий, когда с морей шли тёмные штормовые тучи.

По мостовой летят с окраинных свалок газетные обрывки, мятые бумажки. Они скользят по булыжникам, тыкаясь в тротуарные бордюры.

Неприглядная картина? Что есть, то есть. Растут мусорные кучи – все эти бумажные сугробы. Внезапно появившиеся на улицах, недавно ещё приветливо чистых.

Озираюсь по сторонам. Что нам теперь делать?

Младший Суранов погружен в свои дотошные думы. На вой пыльных не порядков пытается не обращать внимания. Колян ему сочувствует, поскорее приходит на помощь:

– Айда на стрельбище! Там сегодня тихо. Никто не стреляет. В блиндаж заберёмся, и будет нам очень даже непыльно.

Разве есть у меня привычка помалкивать? Имеется как раз такая, чтобы возражать, когда нахожу солидную причину.

Уверенно заявляю:

– Сейчас тихо. Через полчаса будет громко, начнутся ротные или батальонные занятия. И нас попрут оттуда со страшной силой.

Пылят по соседству окраинные развалины. Улица становится настолько неудобной... Идти домой всё-таки не хочется. Тем более что дорога туда, на противоположную окраину городка, длинная. Тогда как на стрельбище – короткая.

Наша вдумчивая четвёрка располагается около невысокой ограды. Мимо неё – с другой стороны – идёт солдатский строй.

Ограда здешняя стоит с очень давних времён. Между кирпичными столбами торчмя высятся массивные чугунные решётки. Скорее всего, уже тогда железа в Германии было много. Как говорится, хоть залейся металлом. До войны тратили его по преимуществу на железные печки, кастрюли и решетки ограждений. А на зверей нет, не тратили: «Тигры» и «Пантеры» появились гораздо позже.

Смотрю – каждый солдат несёт свёрток. Значит, строй направляется в баню.

Если идти вдоль ограды, выйдешь к тыловым службам части. В той стороне и баня, и подсобное хозяйство, и склады. Там проходит рокада. Тыловая дорога. Она напрямик ведёт к стрельбищу.

– Брось ты спорить. Нет никого на полигоне, – говорит Колян. – Не иначе сегодня банный день. Помывка личного состава разве маловажная вещь? Не станут в такой день назначать учебные стрельбы.

У младшего Суранова нет желания отправляться домой:

– А что? Блиндаж сгодится. Анна-Лора про здешнюю фрау расскажет. Мне для вас тоже можно кое-что припомнить. Хотите услышать про Москву? Когда ехали в Германию, провели там Сурановы целый день. Удалось посмотреть столицу. Нам здесь, в маленьком и очень до недавней поры тихом городке, интересно знать, как чувствует себя Москва сегодняшняя.

Берем на заметку слова реалистичного путешественника и, стараясь не привлекать лишнего внимания, потихоньку шествуем к рокаде.

Остаётся позади одинокий тополь. Впереди бугрится песчаными увалами пустынное стрельбище.

Небо между тем не переставало погромыхать — ярилось. Мы начали подниматься на холм, и вдруг оно, заметно потемнев, понесло громады туч. Прямоком на всех нас. Даже страшно стало.

БЛИНДАЖ

Пусть погода хоть такая, хоть сякая, дружной четвёрке отступить не годится. Иду себе и думаю неотступную думую: «Кто сказал, что налётчики — полные простофили? Если они вернулись в город, то выходит, что надёжно спрятались. Колян догадался насчёт полигона. Он, воспитанник хоззвода, толковый у нас молодец. Однако налётчики убедительно показали, как они могут нехило шевелить мозгами. Сообразят, поди, устроиться на отдых в каком-нибудь здешнем блиндаже. Когда подваливает гроза».

До цели нашего упорного продвижения остается метров пятьдесят. Тороплюсь сообщить:

— Когда крыша над головой и мухи не кусают, что ещё нужно? Тут хитрованских бандитов искать никто не станет. Самое безопасное место, правильно?

Вся четвёрка тормозит. Словно электрический ток прошёл через нас, вчистую отбив способность двигаться.

И вот Костик, очнувшись, делает вполне определённый вывод. Убийцы и погромщики не потеряли способность действовать и нагло, и жестоко.

— Если нет у них теперь потайной лёжки в самолётном ангаре...

Самопалов чертыхается, мрачно продолжает его аэродромные мысли:

— Нет лёжки. С треском накрылась. Но тогда мы сейчас возьмем и узнаем кое-что.

Этот храбрец, ничего больше не говоря, поднимает с земли солидный камень. Кидает его, затем — второй, третий. Бывший армеец бомбардирует крышу крепкого убежища, ставшего для нас довольно подозрительным.

Дверь в блиндаже отсутствовала. Из молчаливого проёма глядел сумрак. Он был весьма неприятным в своем затаённом молчании. Не так чтобы очень страшным, однако идти туда мы не спешили.

Прощупав темноту глазами, обученными когда-то приметливыми цыганами, Самопалов заявил:

— Отбой тревоги. Никого там нет.

Вход в убежище из мелкого окопчика. Траншея дугой обнимает верхушку песчаного бугра, и я бы не сказал, что постройка очень уютная. Но всё тут по-простому надёжно. Стенки траншеи укреплены берёзовыми кольями. Раннее вдоль по устройству топоры вовсю погуляли и не одна саперная лопатка притупилась.

Костик и Анна-Лора впервые попали в настоящий блиндаж. Удивились, увидев посреди не стол, сколоченный из прочных берёзовых плах. Однако ему тут как раз место — в командирском блиндаже.

Самопалов бывал в этом укрытии не раз, поэтому спокойно сел на чурбан около стола. В свою очередь подхожу к щели, прорубленной под невысоким скатом крыши, под прочными берёзовыми жердями. Поднимаю руки. Демонстративно — дескать, посещал тоже полигон — подтягиваюсь:

— Артиллерийский начальник отсюда наблюдает за противником и управляет огнём батареи. Анна-Лора! Можешь здесь полюбоваться на кусты в ложбине. Там спрятаны мишени.

Почему так сказал? Потому что посмотрел на гостью. И увидел: всё-таки она поёживается, оглядывая внутренность полевой домушки. Не очень-то нравятся бревенчатые стены, колюче суровые на вид. К тому же ветер снаружи принимается нахально свистеть.

Впрочем, она не против взглянуть на зелёную ложбину из ловко прорубленной щели. Костик подставляет девочке чурбан. И она быстро уже рядом — мягкая метёлка тугой косички торкается мне в ухо. Пытаюсь убрать свою голову подальше в сторону, неожиданно теряю равновесие.

С криком свалился на песчаный пол укрытия, все начали смеяться надо мной. Анна-Лора сказала:

— А я вот не сорвусь. Понаблюдаю, с вашего разрешения.

Легкая она, как пушинка. Пристроилась, видимо, удачно. Ей, такой способной, можно хоть целый день висеть на амбразуре.

С девочкой спорить не с руки. Пускай висит, раз понравилось из блиндажа наблюдать. Но смех продолжается, поэтому помалкивать не собираюсь:

— Вы чего разошлись? Кончайте хохотать! Костик обещал рассказать про Москву. Так что нечего тянуть резину.

— Ладно тебе, — Колян понимает причину моего недовольства. — Характер показываешь, да? Не заводись.

— Всем про Москву интересно.

У Самопалова тоже есть характер. Упрямец успокаивает меня:

— Упал, ну и что? Мало я шлёпался? Тысячу раз.

Если у дружка насчитывается целая тысяча падений, то мне лучше проглотить язык. Понимающе молчу. И «парижанин», побывавший недавно в Москве, начинает свой рассказ.

Мы узнаём о том, какие маковки на соборе Василия Блаженного, как выглядит Манежная площадь, когда зажигаются электрическим огнём окна соседних зданий. Младший Суранов ездил на ступеньках метро, которые сами двигались. И при этом неостановимо. Хоть вверх, хоть вниз.

— А ещё я видел Александра Пушкина и Александра Островского.

Анна-Лора заглядывает рассказчику в лицо, спрашивает с любопытством:

— Кто они такие?

Костик удивлён, всплескивает руками:

— Вот это да! Все ведь знают поэта Пушкина и драматурга Островского!

Та пожимает плечами. Говорит почему-то очень тихо:

— Но мне они совсем неизвестны.

Ей было неловко. Ясное дело: кому понравится в незнании признаваться?

Костик словно позабыл о своём мудром всегдашнем спокойствии:

— Здесь не имеют понятия о русских поэтах и драматургах. А у нас в столице стоят замечательные памятники Пушкину и Островскому.

Невозможно промолчать. Надо возразить, раз уж дотошный парень слишком сильно разошёлся. Вступаю за невинную девочку:

— Ей раньше не говорили про Пушкина.

Старые немецкие поэты? О них было известно, а про наших — чаще ничего. Такой перед войной порядок наводили. По всей Германии.

— Было много нацистов, — охотно объясняет собеседница. — Они всегда твердили: русские малообразованные. Примитивные. А теперь знают у нас хорошо правду. Малообразованные и примитивные сами гитлеровцы.

Напрасно «парижанин» возмущается, и, чтобы поумерить его пыл, довольно крепко прикасаюсь к его ноге своей потрепанной, видавшей виды сандалией.

Тот вопросительно смотрит на меня. Глазами показываю приятелю на виновато улыбающуюся Анну-Лору.

— Если мы дураки, то фашисты... они тупые до невозможности, — Костик осуждающе водит носом, раздувает щёки. Парень словно проглотил невыразимую кислятину.

— Чтоб вам ясно стало, нацисты есть нацисты, — весомо высказывается Колян.

Вид у него такой, будто здесь он самый просвещённый. Будто потерянно не странствовал в низовьях Волги, а всегда был напрочь завязтым, по-домашнему усидчивым, по-преподавательски вдумчивым философом.

Приятель хочет выглядеть на сей момент профессором? Это местным ребятам — пожалуйста! И младший Суранов, глядя на девочку, вздыхает. Его понять легко. Именно ему хотелось бы остаться в проницательных реалистах. Но если погорячился и получил порцию уточнений, пускай Самопалов походит в дотошных историках.

«Парижанин» согласно кивает Коляну:

— Мне представляется... в Европе культурные люди наверняка довольны, что нацистов прогнали.

Порывистый ветер летал то вдоль, то поперек полигона. Кое-где сквозь крышу блиндажа в невидимые щелочки сочились тоненькие струйки желтоватого песка.

Стараюсь не обращать внимания на завывающие вихри. Хотя их громкие песни усердно портят настроение.

Вроде бы Анна-Лора удовлетворена разговором. Во всяком случае никому вопросов не задает. Выглядываю наружу. Как там тучи? Не

пора ли немного утихомириться? Им, кажется, торопиться некуда, и тогда в свою очередь обращаюсь вопросительно к девочке:

— Твои бывшие хозяева нормально ладили? С этим аптекарем, с Ротфельсом?

Вот что неожиданно выясняется. Походы по магазинам всякие были, и ей приходилось заглядывать не только в булочную. Несклько раз покупала таблетки от головной боли. Желудочные капли. Также горчичники.

Насчёт аптеки приказаания всегда шли от хозяйки. Её брат никогда про лекарства не заговаривал. Он вообще предпочитал не замечать маленькую немногословную девочку. Даже не отвечал, когда та пыталась поздороваться как можно вежливей. Словом, здоровущий бирюк вечно ходил нахмуренным, злым.

Боялась его Анна-Лора? Вида не показывала, но предпочитала меньше попадаться на глаза. Впрочем, перед мстительным нацистом трясись в городе многие. Ведь от его настроения часто зависело благополучие. Даже порой и твоя жизнь. Однажды он рассердился на истопника и рассчитал его. Через несколько дней того взяли на фронт. Месяца не прошло, как его семья получила извещение о смерти. Так что Ротфельс не мог не страшиться гитлеровцев.

— У фрау был такой брат, что не стал бы заводить дела с обычными горожанами, — начинает размышлять Самопалов. — Власти у него было много. Как говорится, выше головы.

Сопоставляя факты, Костик смело изложил нам свою суровую, но резонную догадку:

— Сейчас мне понятно. Этот бункерный фабрикант творил над людьми бесчестное. Именно по собственному желанию. Когда что-то ему нужно было, жадюга подступал и нагло брал. Значит, любил дело иметь с теми, кого мог без разговоров заткнуть за пояс. Тогда что мы должны понять? Он деликатничал лишь с бароном, который был знатен и богат.

На этот раз вполне продуманной выглядела смелость неотступного реалиста, но соглашаться не тороплюсь.

По своему обыкновению нахожу щёлочку для возражения:

— Непрост характер городского предводителя? Ладно, тут правота есть, против которой не стоит и выступать. Однако глава нацистов

дружил с почтмейстером, с типографским владельцем также. Не нужно об их картёжных посиделках забывать. Разве нельзя через фашистских дельцов кое-что необходимое прозвнать о прежней власти?

Дотошный «парижанин» ставит точку:

— Они, конечно, все могут быть в деле.

Теперь мне было трудно говорить что-нибудь такое, чтоб исключительно бесспорное.

Пусть Анна-Лора считает, что барон погиб на острове Рюген. В годы войны всякое могло случиться. Но замок-то находится на месте. Никуда ещё не делся. И ценности, кажется, не исчезли. Они сохранены. Отчего бы нам сегодня с Куртом не встретиться? Нынешний смотритель сокровищ — это всё же... Ой, ниточка видна! ещё одна! её нельзя обрывать!

Минута молчания. Идёт обдумывание. Ко всему прочему имею правду заодно какую? Мыслей у друзей моих более чем достаточно. И теперь, когда наша долгая беседа подходит к концу, безрассудные ошибки надо исключить.

Все обеспокоенно посматривают наружу. Там по-прежнему завывает ветер. Вдалеке, над лесом, громыхнуло. Раскат грома мог обещать ливень, однако случилось другое — рванул ветер, унёс тучи в сторону. Потихоньку песчаная круговерть на полигоне стихла.

Шелест струй с потолка перешёл в еле уловимый шорох. Стало слышно, как посапывает стойкий к невзгодам Колян и ёрзает на дубовом чурбане основательно размышляющий Костик.

Анна-Лора взглянула на безмятежно посиневшую амбразуру, подошла к дверному проёму:

— Солнце показалось. Пойдем домой?

Жду, что скажет младший Суранов. Новый приятель начинает из стороны в сторону водить носом с весьма приметной блямбочкой. Кажется, парень начеку, он завершает трудную умственную работу. Сейчас возьмёт и выскажется.

Однако его опережает Анна-Лора:

— Послушайте! Надо проверить, кто из друзей жадного «наци» остался в городе.

Костик не спорит. Поскольку она права. Он, прерывая молчание, сразу подскакивает и с готовностью спрашивает:

– Толковое предложение, а кто пойдёт к почтмейстеру?

Самопалов по-быстрому оценивает ситуацию:

– Улицы знаю как свои пять пальцев. Этого почтаря вмиг отыщу. Если, конечно, куда-нибудь в иные края не удрал.

Все соглашаются, когда предлагаю Костику поискать типографского владельца. Заявляю: мне в свою очередь лучше отправиться в замок и поговорить с Куртом. Вдруг мы узнаем какие-нибудь дополнительные подробности. Грустно глядит Анна-Лора. Недовольна чем-то?

– У каждого есть своё дело. Только у меня почему-то нет никакого. Считаете, девочка вам помешает?

Костик не спешит растерять свою сообразительность, наоборот – готов проявить понимание. Раз Анна-Лора дальновидно толкует насчёт особо важных местных жителей, пусть навестит аптекаря. Ей легче всего выяснить, кто просил лекарство для фашиста, засевшего в бункере.

Правильно высказался? Как раз очень к месту. Хорошо, если девочка по старой памяти кое о чём побеседует с Ротфельсом.

Младший Суранов кумекает очень даже неплохо. Пряма-таки вдумчиво-мудрый Змей прибыл к нам из степного Парижа! Посидели в блиндаже, непогоду переждали, обсудили, как нужно теперь действовать, – всё это помогло в дальнейших поисках. У каждого из нашей четвёрки появилась неотложная цель на ближайшее время. Вот так и никак иначе, ушлые пассажиры «Мерседеса»!

Вручаю девочке драгоценную улику. С помощью пузырька, найденного в аэродромном ангаре, можно выйти на след бандитской компании. Разве кому-то здесь не ясно? Так что, Анна-Лора, ты должна почувствовать: мы высоко ценим твоё участие в общем деле.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ КОЛЯНА

Необязательно мне возвращаться в город. Спешу в замок. Его довольно затейливые готические башенки торчат над деревьями, ок-

ружающими озеро. До замка барона около километра, если шпарить напрямую, по тылам воинской части. Тут считай не считай – никак не ошибёшься.

Теперь у всех нас пути-дорожки разные.

Анна-Лора подсказала Костику, куда бежать, чтобы навестить владельца типографии. Его дом и небольшое предприятие по соседству мало пострадали от бомбёжек. Туда младший Суранов и приурезал – к двум приземистым зданиям у сквера, наискосок от парикмахерской.

У Самопалова задача потрудней. Жив ли приятель фашистской шишки, Анна-Лора не знала. Ставит ли он штемпеля на почтовых отправлениях? Или подыскал себе новую службу? Нам это всё надо выяснить поскорей.

Оглядываюсь.

Колян мчит – пыль столбом. Мимо знакомого нам забора. Скоро пронесётся мимо контрольно-проходного пункта, а дальше...

Дальше с ним приключилась многозначительная история.

Улицы обязательны для знатока проходных дворов? Старый дружок посчитал: потайные лазы в лабиринте развалин должны заметно сократить дорогу. Поначалу так оно и было.

Если переулок уводит в сторону от намеченной цели, он без колебаний ищет особую тропку – в ускоренном порядке исчезает в сумрачной прохладе ближайшей подворотни. Где – вскочишь на полуразрушенную стенку, где – нырнешь в окошко или в сквозной подвал, но только знай конечную цель продвижения, береги время, а то ведь бандитам тоже, наверное, сегодня хочется куда-нибудь продвинуться со своими преступными намерениями.

Переулок выгибается дугой в направлении железнодорожного вокзала? Туда идти вовсе необязательно. Самопалов ловко перемахивает через кучу обломков и мчит себе дальше. Он летит на северную окраину, где в прежние годы ставили особняки обеспеченные господа из фашистского круга.

Ничто не останавливает парня: перепрыгивает через запутанные петли водопроводных труб возле брошенных домов, забирается на голые – с падающей старой штукатуркой – пе-

регородки бетонных каркасов. О его способностях мне хорошо известно. Поэтому есть уверенность, что быстрым ловким другом могут гордиться также Костик и Анна-Лора.

Удалось Коляну в темпе миновать развалины. Но когда из асфальта встали перед ним ряды обрезанных тополей... когда, казалось бы, все препятствия преодолены... вот здесь и начались задержки.

Идет он по чёрному гудрону не спеша, поскольку нужно привести дыхание в порядок. Посматривает по сторонам: трудности дороги позади, а красивые особняки — вот они: поджидают разведчика неподалёку.

В строе зелёных растений заметны прогалы. На пустых местах торчат палки с тонкими побегими. Нашлась, видно, добрая душа — не пожалела сил, чтобы вернуть улице прежнюю красоту. Недавно тут обрезали деревья, и превратились они в светло-зелёные пузыри на толстых столбах.

Пройдя между ветвистой палкой и пышно-изумрудным шаром, Самопалов очутился перед особняками. Людей не было видно. Дома стояли безмолвно тихими, некоторые без головных уборов: попросту говоря, без крыш. И заодно без адресных дощечек.

Заметил в отдалении девушку. Она отошла от тополиного пузыря, постояла, потом вдруг исчезла за деревьями.

Колян припустился следом, однако, потеряв из виду, не догнал. Куда теперь направиться? У кого спросить, где дом почтмейстера? Не у тех ли мальчишек, что внезапно выбежали к ограде одного из особняков?

Пошёл было к ним, но опять увидел девушку. До неё было не очень далеко. Вот с кем побеседовать насчёт местных дел!

Та стояла у тощего ствола дерева. Колдовала над ним, забросив сумочку за спину и свесив длинные волосы чуть не до земли.

— Что делаешь? — крикнул ей наш храбрый приятель. Не силен был в немецком, а всё-таки рискнул завести разговор.

Она махнула рукой, приглашая присоединиться к своему колдовству:

— Геноссе! Помоги подвязать молодое дерево.

Узнала в нём русского, назвала товарищем. Разве можно отказать в просьбе? Колян сообразил: она ходила тут ничуть не случайно. Была, как говорится, тополиным доктором.

— Давно лечишь деревья? — придерживает тополёк и при этом усиленно размышляет, как бы поосторожней здесь разговор о почтмейстере начать.

Она смотрит на помощника, смеётся:

— Деревцем занялась между прочим. Я работаю на фабрике. Специально приехала сюда из Берлина.

Он хмурится. Молчит.

Почему стал хмуриться? Кажется, некоторые тут ему врут. Фабрика покамест бездействует. Недавно лишь начали монтировать оборудование. Прямодушному Коляну долго молчать никогда не удавалось. Рассердившись, заявил:

— Не надо меня обманывать!

Та уже не смеётся:

— Все вместе мы быстро восстановили цех, и завтра будет пуск. Приходи на фабрику. Приглашаю на торжество.

Самопалов если уж сомневается, то упрямится так, что недоверчивость у него, что называется, вся на лице. Он хмыкает, независимо всматривается в ровную линию зелёных шаров. Будто справа налево её оценивает, а затем — слева направо. Нет, вы погодите! Его на простую удочку не поймаешь! Небось, пудрят мозги насчет всяких торжеств, а в городе он вам не посторонний какой.

Видя, что его не убедить, девушка достаёт из сумочки картонный белый прямоугольничек.

— Держи! — протягивает моему дружку официальное приглашение. Если сказать точнее, то карточку с текстом, напечатанным на русском и немецком языках.

Наступает минута, когда позволительно доверию взять и до чрезвычайности окрепнуть. Коляну деться некуда.

— Извините, — говорит. А потом решает схитрить: — Приду, но приведу всех своих приятелей.

— Пожалуйста. В проходной попросите, чтобы меня вызвали. В надёжном сопровождении вам легко будет пройти, понятно?

Она спокойна уходит, а Самопалов стоит и думает.

Это что же такое творится? Вот и целый цех восстановили! Пора запускать его! От факта увёртываться нечего. Продолжай, разведчик, размышлять! И он смиренно стоит — шевелит мозгами, покачивает тополиный росток. Ничего стволик: ровнёнький и надёжно подвязан. Побольше бы сейчас уверенно чистой надёжности! Если девушка равнодушна к провинциальному городку с его брикетной фабрикой и тополиными аллеями, это неплохо. Жаль только, что она приезжая и наверняка ничего не знает про почтмейстера.

Вот улица ему попалась! Вопрос задать и то некому!

Озирается Самопалов. Мальцы за садовой оградой? А ведь они могут помочь в поисках. Ему не так уж много нужно знать. Пусть скажут, где обитает приятель прежнего хозяина города — жадного до золота лавочника. Про этого «наци» можно умолчать, а про бывшего почтаря почему не спросить?

Он зашагал к усадьбе, облюбованной ребятами для криков и беготни. Те как раз принялись шуметь. Походило, будто им — вынь да положь! — стать индейцами необходимо. Усердные завывания, улюлюканье. Разве тут другое? Не шумная игра отважных воинов с топориками?

Человеку менее храброму, чем Колян, захотелось бы уйти подальше, коль вопли начали усиливаться. Всякое соображение вмиг упряталось бы куда-нибудь в пятки. Но у моего дружка голова сработала как надо.

Перелезая через ограду, решил ничему не удивляться. Пусть там любая куча-мала гремит, он человек незаинтересованный, как раз исключительно посторонний. Короткая беседа. Никаких увещаний, излишних разговоров. С его стороны — вопрос, с их стороны — ответ. И вслед за тем он должен немедленно отчаливать: так будет правильной.

Одичавший сад зарос лопухами, полевые цветы лезли на грядки старой жухлой земляники. Летали в переплетениях ветвей пчёлы. Одна из них спикировала, и Самопалову пришлось прыгать, увёртываться. Зацепил своим тяжёлым ботинком торчавший понизу сук разлапистого садового дерева, потерял равновесие. Не удержался на ногах — рухнул в лопуховые джунгли.

Произошла первая встреча с индейцем. Тот, маленький и щуплый, прижимался к земле, таращил глаза на прибывшего неизвестно откуда незнакомца.

В клубе танкового полка по выходным крутили трофейные фильмы. Смотри хоть про Тарзана, хоть про смелых путешественников. Наверное, в городе тоже устраивали киносеансы. Все ребята имели право поиграть в индейцев. Но что сейчас одному из крикунов сказать? Надо побыстрей гостю подняться, без промедления приступить к переговорам. Важно теперь не напугать ошеломлённого мальчика. Когда при этом у тебя небольшой запас нужных слов, поневоле растеряешься. Однако у Коляна выдержка не подкачала.

Он берёт себя в руки, подмигивает спавшему с лица шкету:

— Не будем тревожиться!

Тот был готов дать дёру. Или пуститься в плач.

Посочувствовать бедолаге? Это можно для Коляна. И что он делает? Забывает про свою верную тактику: вопрос — ответ. Начинает вести непростые переговоры, в конце концов мой дружок не робкого десятка, и опасности его не пугают.

В уме составляет дипломатически тонкую фразу: «Уважаемый индеец должен быть абсолютно спокойным». При всём том вдруг понимает, что не хватает запаса немецких слов для выражения мысли. Тогда он вместо «уважаемый» решает сказать «богатый». А вместо «индеец» — «бюргер».

Что получается? Слово «спокойный» у Самопалова по ошибке приобретает отрицательный смысл. Не хотел того переговорщик, однако малец в итоге услышал:

— Богатый бюргер абсолютно неспокоен.

Неуютно стало маленькому человечку в густой траве: не иначе здешний хозяин очень недоволен гостями, забравшимися к нему в дом и устроившими здесь недозволенные игры.

Испуганный малец вскакивает, уносится прочь.

Появляется индеец возрастом постарше:

— Мы не виноваты. Здесь давно никого нет. В свою очередь давать дёру Самопалов не со-

бирается. Вместо этого он вспоминает, как бывало разговаривал с бывшей хозяйкой Анны-Лоры. Расстраивается, поскольку старая история повторяется. Теперь здесь, на тополиной улице, обнаруживается такая незадача, что просто не знаешь, как быть. От расстройства высказывается громко. Так, будто ноги, ставшие чересчур самостоятельными, вели, вели и привели незадачливого путника прямоком в незапланированные прикаспийские овраги.

— Вот чёрт!

Догадывается Самопалов, что высказывание ситуацию не проясняет. Досадует на себя. Опять двадцать пять выходит! В голове крутятся воспоминания о недавних беседах с родственницей фабриканта, о ненужных спорах. По-немецки с негодующей озабоченностью бормочет:

— Тогда снова ... не брал этих... вещей?

После чего мысленно докладывает сам себе: понять меня будет трудно! молчать не годится также! будь здесь Анна-Лора, переговоры пошли бы успешней! Индеец, используя жесты, принимается объяснять: мы пришли сюда просто поиграть, вовсе не за тем, чтобы какие-то вещи прибрать к рукам. Мой дружок начинает паренька понимать. Согласно кивает. Собеседник кричит, созывая товарищей. На его громкий призыв отвечает не меньше десятка громких голосов. И вот уже вся команда ломится сквозь кусты сада. Кажется, ребята намереваются показать Самопалову свои чистые руки.

И что теперь сказать о переговорщике?

Не в привычках моего друга вешать нос на квинту. Если что не так, он сдаваться не поспешит.

Насчёт многоречивых жестов у него не заржавеет. И вот уж где по-русски, где по-немецки он доводит до сведения индейцев: не собираюсь досматривать ваше оружие, а также личные вещи. Командир что-то прокричал, и вся толпа помчалась прочь. Стоит визитёр один-одинёшенек. Мчатся за лихими бегунами нет желания. Да тут ещё в саду синяком украсился при падении. К тому же опухает щека после пчелиного подарка. Выходит: оказался у разбитого корыта? Ничего, это дело поправи-

мое. Шишки опадут, укусы подживут, а дело пойдёт своим чередом.

Никуда не уходит, не отступает Колян. Потому что для него это несолидно. Он как тот солдатский штык, который всегда наготове.

Потирает щеку, соображает: «Умчалась компания. Вернётся, не вернётся, а мне всё же не помешает получше оглядеться».

Смотрит по сторонам. И видит шалашик в гуще деревьев. Может, там остался часовой для охраны имущества? Не станут ведь индейцы бросать на произвол судьбы свои драгоценные луки и стрелы, верно?

Так и есть. Сидит там карапуз. Перед ним — на листе бумаги — поджаренные кусочки хлеба. Тринадцать маленьких порций дожидались едоков.

— Ага, — сказал Колян, — попался, который кусался! Впрочем, бюргерам не надо бояться. Никто не собирается забирать пропитание.

Говорит, значит, и по-русски, и по-немецки. В надежде, что мысль переговорщика дойдёт тем или иным боком до караульного.

И замечает цыганисто зоркий Самопалов одну тонкую деталь. Кусочки хлеба не были закопченными. Готовили их к употреблению вовсе не в огне костра.

Опыт армейца из хоззвезда подсказал: неподалёку есть горячая плита. Почему бы не побеседовать с заведующим? Старшой на кухне, как правило, человек осведомленный.

Колян и так и сяк толкует караульному про поджаренный хлеб.

— Ну, чего молчишь? Будешь отвечать?

— Там, — кивает тот в сторону усадьбы, где крыша напрочь отсутствует.

Теперь понятно, куда идти. Раз беседа с часовым закончена, можно двигаться прямоком к горячей плите. Решительно шагает Самопалов к подгнившему от времени крыльцу, открывает входную дверь. Дом внутри — развалюха развалюхой. Приходится пробираться через обломки старой мебели. Не похоже, чтобы здесь постоянно проживали.

— Здравствуйте, люди добрые!

Его расчёт на доброту верный. Нелишне предупредить местных обитателей от всяческих недоразумений. Пришёл, мол, человек

покладистый к вам. Поэтому будьте, пожалуйста, гостеприимны. Не встречайте его пыльным мешком из-за угла.

Горячую плиту нашёл в конце концов. Правда, заведующим тут не пахло. Не было старшего. Вообще ни единой души в доме не удалось обнаружить. Взял Колян на столе забытую подгоревшую корочку хлеба, задумчиво пожевал. Странные попались ему индейцы. Очень они ловкие, чтобы разжечь плиту в заброшенной усадьбе, а потом удрать подальше.

Ишь, какие бойкие! Унеслись, словно разгулявшийся ветер с Атлантики. Не хотелось бы думать, что способны тут хитрить. Однако поневоле задумаешься: почему все-таки помчали прочь, едва незнакомец объявился?

Выйдя на крыльцо, Самопалов опять увидел часового. Тот стоял у нижней ступеньки, с важностью надувал щёки.

— Я арестован? Уйти не имею права? — засмеялся Колян.

Тот надулся сильнее, запыхтел. Мой друг смекнул: карапуз видел, что одним нахальством незнакомца не остановить. И всё же ни на сантиметр не желал отступить — преграждал дорогу. Уставившись на гостя, ещё больше надулся. Потом решительно высказался:

— Стой! Жди!

— Вот ты какой! — удивился переговорщик, старательно припоминая немецкие выражения. — Командуешь, словно я новобранец, а ты уже давно ефрейтор.

Появилась вся команда. Тот, который был постарше, сказал, что в ближайших домах жильцов нет. Никаких охотников за чужими вещами во дворах не нашли. Он предложил Коляну отправиться в шалаш. Там гостя ждёт угощение: печёная картофелина и два поджаренных кусочка хлеба. С удивлением Колян обнаружил: с каждой минутой всё лучше понимает здешних индейцев.

От угощения мой настойчивый приятель решил отказаться. Торжественная трапеза в честь установления мира и спокойствия — это хорошо, но дело не ждёт.

— Друзья! Не беспокойтесь! — подбирая слова, немедленно заявил и при всём том был очень довольный, потому что беседа о вещах

подошла к логичному спокойному концу.

Растолковал индейцам: неотложна для визитёра задача разыскать старого почтмейстера. И все немедленно выразили большое удивление. Коляну охотно рассказали: в здешних краях этого «наци» не видели давно. А вот перед тем как фашистам уйти из города, его приходилось видеть многим. Чем занимался? Разъезжал на машине эсэсовцев. Они разожгли костёр возле почты. Жгли там какие-то бумаги — либо привезённые с фабрики, либо взятые из мэрии.

Истинная вещь: в тот день эмоций было выше головы. Жители боялись, что будет большой пожар. Ведь пепел по всей улице летел. Хотели потушить костры. Он тогда схватил автомат, начал кричать: «Прочь! Стрелять буду!»

— Значит, почтмейстер исчез, — разочарованно сказал поникший гость.

Буруз, что недавно усердно сторожил Самопалова, неожиданно говорит:

— Вчера видел жену почтмейстера.

Второй индеец подсказывает:

— Она живёт возле вокзала. Перейдёшь рельсы и сразу увидишь дом. Один угол там повреждён.

Путь на железнодорожную станцию Коляну открыт? Именно так! И теперь он бежит к забору, перемахивает через него. Как раз в своём стиле: сильно отталкивается ногами, делает что-то похожее на цирковое сальто. Миг — и он уже по другую сторону забора. Индейцам остаётся только восхищаться искусством моего друга. А если б они побегали с ним наперегонки, то уважали бы переговорщика ещё больше.

Выскочив на шоссе, Самопалов решил остановиться. Почему притормозил?

В голову пришла мысль: бегать по асфальтовой двухпутке вовсе необязательно. Надо чинно встать на дороге и проголосовать. Какой-нибудь шофёр остановит машину, подбросит к станции, правильно?

Совершенно верно, так оно получится быстрее.

Я знаю, что соображалка у Самопалова не хуже, чем у мудрого нашего «парижанина». Ведь это факт — парень сообразил, как нужно поступить. Но при всём том у моих друзей ум

разный. В постоянстве заметно несовпадающий. К примеру, Костик постоянно думает, каким способом решить задачу. Он чётко нацелен на её решение. Другое дело — Колян. Умные мысли могут на парня так накатить — будто штормовой девятый вал. Накатят, возьмут бывшего армейца в полон. Тогда понеслось, поехало. Тут лишь успевай собирать плоды богатого урожая.

Сейчас дружок решительно покумекал. И что предложил проезжающим машинам?

Дорогие водители! Обратите внимание на чинно-благородного парнишку. На своих грузовиках не шарахайтесь от него к противоположной стороне дороги.

Парень стоит уверенно, голосует с чувством собственного достоинства, и вскоре останавливается полуторка.

— Залезай, пехота! — весело говорит шофер.

У него стрижка почти такая же, как у Самопалова. Короткая, а это значит, что водитель — из молодых солдат.

Лихо вскочить в кабину грузовика для бывшего армейца из хоззвода — пара пустяков. Довольный дружок устраивается на сиденье поудобней. Настроение у него отличное, потому что верная тактика выручила. Она всегда придёт на помощь, выручит в любой переделке, если не поленишься пораскинуть мозгами. Ты знай себе настойчиво думай — раздобудешь и грузовик, и кое-что другое.

— Куда направляемся? — спрашивает водитель, метко бросая в рот сигарету. Не иначе производит впечатление на путешествующего, желает показаться бывалым бойцом.

Вот только Самопалова пустячком не проймёшь. Сигарета — сложный фокус? Показан трудный цирковой номер? Бросьте! Тут кое-кто знает, как носить кашу окопным солдатам, а это дело посерьёзней, чем сигарета.

Мой дружок независимо отвечает вопросом на вопрос:

— Гарантируешь поездку с доставкой на дом?

— Да хоть бы и так! — тон у шофера всё тот же, показательно веселый.

Тогда Колян без долгих разговоров режет:

— Валяй на станцию.

Сказал с бравым видом старшины-папашки. С таким запасом солидной армейской

подготовки, что молодой солдат от удивления заёрзал. Вытащив изо рта сигарету, сказал миролюбиво:

— Не мешает мой дымок?

— Нет.

Водитель вдумчиво поглядывает на попутчика:

— Так ведь я могу... отложить. Дым, ясное дело, не каждому нравится.

— Как хочешь.

— Боковое стекло до отказа опущено. Предлагаю всё же рук не высовывать. Не положено.

Разговор пошёл деловой, без ненужного веселья. Коляну выпал шанс между прочим спросить: как нынче с налётчиками? Поймали их? До сих пор прячутся в городке?

— Ничего о них неизвестно. Затаились, видно, где-нибудь.

— Может, у каких друзей? — Колян задал вроде бы случайный, напрочь малозначительный вопрос. Но интерес тут был, и очень даже не пустой.

Шофёр сердито оттопырил нижнюю губу, собираясь опять сунуть в рот сигарету. Передумав с дымогарством, выбросил её в окошко у своего плеча.

— У нас все водители начеку. Каждый знает свой манёвр. Если эти бандиты появятся на дороге, будет им крышка. И ты меня на этот счет не пытай. Вот она, твоя станция. Или, скажешь, не твоя?

— Моя.

— Приехали. До свидания!

Раз в сутки приходил сюда местный, с несколькими пассажирскими вагонами, состав. Однако был на станции обязательный железнодорожный руководитель, имелся также стрелочник. Вокзал — где имелся единственный кассир — мой дружок захотел проскочить побыстрей.

Мышкой шмыгнул мимо платформы. Но тут появился начальник. Скорее всего, ему пришлось в голову дать какое-нибудь приказание стрелочнику. Чтоб не бездельничал.

Тому легко было бездельничать: до прихода поезда оставалось ещё несколько часов.

Раз появилась возможность побеседовать не только со стрелочником, но и с Коляном, от-

ветственный железнодорожник строгим голосом сказал:

— По рельсам гулять запрещается!

Что мог ответить нарушитель сонной вокзальной тишины? Не входило в его планы называть свою фамилию, объяснять причину появления возле пустынной платформы.

Слома голову уносить ноги тоже было ни к чему. Нужна, понял Самопалов, вежливость. А также — наглядное спокойствие мирного пешехода.

— Если не возражаете, я пройду через линию на другую сторону.

В его словах проглядывала масса внутренне-го благородства. Начальнику оставалось лишь огорчённо вздохнуть. Поскольку почтительность у мальчика была чётко продемонстрирована. Вздохнув, заметил: ладно, не возражаю, но каждый обязан убедиться, проходя через пути, что поблизости нет вагонов.

— Извините, уже убедился, — крикнул Колян, быстро удаляясь от вокзала, — ещё вчера.

Надо полагать, кое-кто вспомнил, что поезд тут ходит строго по расписанию. Раз в сутки. Вот и пусть кое-кто разговаривает теперь со стрелочником, а вежливые люди имеют право бежать себе дальше. Мой дружок и полетел было по своим делам. Но мысли валили девятым валом, и одна из них заставила притормозить: «На дорогах налетчиков поджидают. На вокзале тоже, небось, присматриваются к неожиданным гостям. Какой-нибудь комендантский патруль подсказал здешнему начальнику быть внимательней. Разве не так?»

Встал сообразительный приятель вкопанным столбом.

Опасливо косится на платформу. Разве попутный шофер не подсказал: сегодня рискованно увлекаться разговорами.

На вокзале, к счастью, никто переполоха не поднимает.

Потихоньку Самопалов двигается дальше. При этом не забывает укорять себя. Насчёт чего? Если знаешь армейский порядок, то не забывай соответствовать. Понятно ведь: ищут все бандитов. Не только ты с друзьями.

Не стоит привлекать внимание к своей

быстро бегущей персоне. Оно как раз будет правильней. Потому как объясняться с внимательными патрулями не придётся.

До желанной цели оставалось недалеко. Всего-то десять солидных прыжков. Пяток минут, и Колян — там, где надо. Возле дома с обвалившимся углом. А если ему оказалось вдруг нелегко преодолеть небольшое расстояние, то лишь по одной простой причине: резонной поисковой осторожностью озаботился. В этом всё хитрое дело.

Потихоньку, вспотевший от вала накативших неожиданных мыслей, добирается до нужного дома. Поостыв, дёргает за шнур звоночка у входа.

— Ваш муж служил на почте? — встречает вопросом появившуюся на пороге женщину.

Устал Самопалов от долгого путешествия. При всём том был вполне удовлетворен аварийным видом нынешнего почтмейстерского жилища: так им и нужно, этим бывшим нацистам! Поэтому подвело Самопалова «победительное» настроение. Слишком прямодушно пошёл в атаку с вопросами.

Женщина насторожилась. Её круглые глаза вмиг стали хитрющими щелочками.

— Кто такой? В чём дело?

Не было у неё желания беседовать с дерзким парнишкой.

— Он дома? — продолжал напирать Колян, которого вело вперёд горячее желание поскорее увидеть почтмейстера.

Настороженность женщины сменилась раздражением:

— Чего спрашиваешь? Все знают. Нет его!

Самопалову показалось, её пальцы вот-вот вцепятся ему в голову. Справиться с поднявшейся злостью собеседнице не удалось, она сердито запричитала:

— Уеду! Мебель продам — и до свидания! Не-чего мне здесь теперь делать!

Продолжая кричать, потянулась к колокольчику возле двери. С треском сорвала его, отбросила прочь, словно это была ядовитая змея. Затем поспешила скрыться в доме.

Колокольчик брякнулся на землю. Его обессиленный язычок свалился набок. Колян поднял вещицу, вдруг ставшую ненужной.

Убедился, что колокольчик исправно звенит.

Хозяйка разбрасывается добром? Ишь, ведь какой у неё выверт! Непорядок наблюдается.

Но сколько мой дружок ни барабанил в дверь, всё понапрасну. Мрачный дом не реагировал на его старания. Ни громкого вскрика, ни подозрительного стука, ни слабого скрипа. Он словно внезапно весь вымер.

Отступить Самопалову? Нет, так дело не пойдёт! Он для себя отметил: на втором этаже открыто окошко. Это хорошо. Можно принять к сведению. На первом этаже тоже есть окошко. Оно закрыто, но заглянуть в него... Отчего не заглянуть? Увидел Самопалов большую комнату, куда жена почтмейстера свезла уцелевшую мебель: шкаф, кровать и два кресла, накрытых серыми полотняными чехлами. Ему не удалось там приметить хозяйку.

Однако не мешало бы всё же продолжить с ней разговор. В самом деле, где почтмейстер? Если его жена захотела уехать подальше, пусть скажет, где собралась встретиться с ним. Безо всякого сомнения, беседа могла получиться интересная.

Манило окно второго этажа. Туда не заглянешь, потому что не допрыгнешь. Но когда залезешь на деревянную кладку, что присоседилась к дому, то давай — сигай вверх... Всё-таки есть шанс подобраться к открытому окошку, есть!

Вначале Самопалов забрался на хлипкое возвышение. Потом подскочил, ухватился за край лесенки, свисавшей с конька черепичной крыши дома. По такой лестнице обычно поднимаются наверх городские трубочисты, когда им надо прочищать дымоходы.

По коньку способный Самопалов добрался до фронтона. Спустился к воронке водостока. Скобы, вбитые между кирпичами, держали трубу в вертикальном положении. По ним, как по ступенькам, он спустился вниз, на уровень второго этажа. Подобравшись к окну, ухватился за толстую доску подоконника. И вот мой дружок — в доме.

Если Коляну, гибкому и ловкому, словно кошка, не хочется заканчивать беседу, то постарается обязательно её продолжить, будьте уверены!

— Прошу прощения, у меня имеются вопро-

сы! — на этот раз он решил высказаться потише и повоспитанней, чтобы смягчить ситуацию.

Ответа не дождался. Выяснилось, в доме вообще никого не было: ушла хозяйка через чёрный ход. Исчезла напрочь, не желая разговаривать с гостями. В прихожей валялся листок бумаги, исписанный фиолетовыми чернилами. Колян недолго думая сунул его себе в карман. Вдруг удастся узнать о почтмейстере полезное что-нибудь.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Путешествие моего дружка завершилось. Он раздобыл интересное письмо. О чём почтмейстер писал жене? Что сейчас чувствует себя в безопасности. Повезло с новыми покровителями — дали работу. Кто они такие, не сообщал. Видимо, из осторожности. Доходы у него были небольшие, поэтому советовал жене продать мебель. Как продаст — пусть сразу едет к нему. Вдвоём удастся побольше заработать на жизнь.

В конце письма жаловался на приятеля. Тот исчез неизвестно куда. Не выполнил обещания поддержать валютой, хотя клялся в конце войны помочь. Из себя строил большого деятеля, а на поверку оказался пройдохой. Как был жуликоватым лавочником, так им и остался.

Он, почтмейстер, из кожи вон лез, уничтожая документы, которые компрометировали главного нациста города. И что получилось? Нельзя появиться в городе: все видели огромные костры из важных бумаг. Приходится теперь таиться и ждать у моря погоды.

Ныне кое-что для нашей четвёрки прояснилось.

Отсиживался нацистский помощник у моря или где-нибудь в горах — это могла рассказать лишь исчезнувшая супруга. Однако вряд ли стоило искать хозяйку мебели, раз путешествующий разведчик Самопалов напугал ее чуть не до смерти.

Следы предводителя налётчиков можно было обнаружить в другом месте. Костику повезло все-таки побольше. Он сумел разговорить владельца типографии — второго приятеля жу-

ликоватого лавочника, который стал при фашистах не просто фабрикантом, а важной городской шишкой.

Печатных дел местный специалист, большой любитель по выходным перекинуться в картишки, костров на улицах города не жёг. В дикой поспешности никуда не убежал. В тараканьи щели не стремился улепетнуть, чтоб забиться в тихое укрытие враз и навсегда. Его заведение благополучно сохранилось. По-прежнему работали у сквера возле парикмахерской печатные станки. Когда мы уговорили Коляна расстаться с богатой шевелюрой, ещё не подозревали: здесь, около густых зелёных кустов, нам удастся заполучить очень важные сведения.

День стоял жаркий. Все форточки на окнах приземистого кирпичного здания распахнуты. Подойдешь — различишь металлическое лязганье. «Парижанин» постоял, послушал. Ему, конечно, желалось очутиться возле станков. Чтобы посмотреть, как делается газета. Мне доводилось видеть её раньше. Папа однажды принёс номер домой и сказал: это уже не прежний нацистский листок. Новое правдивое издание антифашистов-демократов!

Посмотреть было интересно. Ведь рассказывали о том, кто виноват в несчастьях немецкого народа. А также о восстановлении дорог, о ремонте водопровода, электрической сети. О задачах выполненных и тех, которые надо выполнить.

Костик стоял и думал: «Как же тут получилось? Неужели владелец типографии, этот фашистский прихлебатель, тоже принимает участие в издании газеты?»

Не только реалистичный мыслитель, любой задумался бы. После знакомства с шибко пылящими развалинами окраины услышать невозмутимо спокойное лязганье печатных станков — нет, вникнуть в ситуацию истинно что не помешает. Кому как, но мне всё ясно насчёт нашего посыльного. И в особенности то, почему разговор младшего Суранова с владельцем типографии оказался именно таким, а не другим.

Тем временем к зданию, за стенами которого шла вполне звучная работа, подкатила полуторка.

— Поберегись!!!

Задумавшийся Костик отскакивает в сторону.

Двое рабочих откидывают задний борт грузовика. Грузчикам полагалось поднапрячься, чтобы скатить по деревянным сходням здоровенный рулон бумаги. Их комбинезоны основательно пропитаны типографской краской. Затем старший — тот, что стоял в кузове — осторожно, потихоньку стал направлять большую бумажную катушку.

Принимает её тот, кто осторожно пятится по сходням, и ему, конечно, потяжелей, чем верхнему.

— Позвольте помогу, — решительно подсказывает внимательный Костик.

— Не надо, — возражает нижний рабочий, недоверчиво косясь на возникшего неизвестно откуда помощника.

— Вам тяжело, — не соглашается младший Суранов.

И это нисколько не удивительно. Степной «парижанин» не только дотошный, он ещё и достаточно отзывчивый. Очень подходящий для разговоров с людьми, нужными нашей равнодушной четверке. Доброхотность проявил очень убедительно.

Короче говоря, он солидно подходит, упирается плечом во вмятину на рубашке рулона. Тяжеленный бумажный каток — такой штукой хоть асфальт утрамбовывай — подчиняется общим усилиям. Послушно скрипит, сходит с прогнувшихся деревянных сходней на землю. Там замирает, обездвиженный, ждёт дальнейшего развития событий. А наш мудрый посланец, ясное дело, не уходит — тоже поджидает повода, чтобы проникнуть за прочные кирпичные стены — туда, поближе к звучным станкам.

Что в свою очередь предпринимает пожилой рабочий? Ему ведь ждать-пождать нет нужды. А он сразу берёт и благодарит: спасибо, мол, помощник! нам потребовалось бы на тяжелый рулон много больше времени! Костику нельзя воспользоваться удобным случаем. Он, как бы между прочим, пользуется. Нельзя ли мне повидать владельца типографии?

— Кого? — спрашивает тот из рабочих, кто был внизу при спуске рулона.

Выпрямившись, сдвигает на затылок поношенный тёмно-серый берет, утирает ладонью пот с лица.

В России такой головной убор не из самых популярных. Костик с любопытством рассматривает помесь кепки с байковым мешочком, сверху украшенным пимпочкой. Владелец берета снова нахлобучил его на уши. Наступает молчание. Потому что младшему Суранову никто не нужен, кроме типографского друга недавней нацистской шишки. А собеседнику, видимо, этот друг вовсе без надобности.

— Кто, говоришь, нужен тебе?

— Хозяин.

— Парень ищет бывшего, — подсказывает напарнику пожилой рабочий.

Из-под берета нацелились на любопытного Костика внимательные глаза:

— Он действительно здесь. Только теперь нам не хозяин. По новым порядкам он кто? Вчерашний крупный фашист. Так что ему пришлось распрощаться со своим предприятием, ясно тебе?

— Всё понятно. А где его, бывшего, найти?

— В цехе, где стоят машины. Он должен зарабатывать себе на жизнь, правильно?

— Я согласен. Но мне ведь нужно с ним поговорить. Вы позволите пройти?

Получив необходимые разъяснения, Костик направился к бывшему владельцу типографского заведения. При всём том наш посланец был очень доволен. Почему? Ну как же, кое-что ему здесь разъяснили! И насчёт тех порядков, что решительно восстанавливают справедливость. И касательно судьбы того богатого картёжника, что был очень близок городским фашистам.

Теперь тот трудится у станка. Зарабатывает себе на жизнь как простой рабочий. Это о многом говорит. Интересный факт надо учесть, посчитал мудрым расследователь.

Уже не одни сутки прошли, как Костик уехал из далёкого российского села, и нынче он свой на все сто в нашей дружной четвёрке. Никакой не простофиля, а просто младший Суранов. Очень способный приятель, который иногда выдает такую реалистичную догадку — просто диву даёшься.

Идет Костик, посматривает на всякий случай туда-сюда. И что примечает? Окна в печатном цехе открыты. Трава под ними примята. Утоптана ногами.

Кому тут нужно бродить?

Есть нужда поразмыслить. Вон стоит женщина. Если передает в окно узелок с едой, то и другим заботливым особам, женам здешних мастеров, не запрещено приходить. Они как раз и навевываются, разве не так? Приносят еду мужчинам. Когда из-за срочных заказов тем некогда отлучаться домой.

Наш сообразительный «парижанин» подходит к другому окну. К тому, что настезь открыто для проветривания шумного и жаркого помещения. Внутрь заглядывает. Приветливо кивает, машет рукой, подзывая ближайшего рабочего.

Тот чересчур занят. Некогда ему вести беседы с неизвестными.

Ладно, подождать надо, когда около окна окажется кто-нибудь иной. Гнать лошадей, что называется, необязательно. Без лишних телодвижений и подзывающих криков постоять — это исключительно разумно, поэтому упрямистый парень прочь не уходит. Ему совсем не вредно повременить.

Цех ярко освещён. На бетонных фундаментах располагаются станки. Они лязгают почти безостановочно. Помещение наполнено звуками механизмов, в которых всякого громкого железа не килограммы, а тонны.

По проходам снуют тележки. Они занимают «кормёжкой» — неумоимо трудящимся машинам подбрасывают бумажные листы, что должны обернуться газетами, всякой печатной продукцией. Откуда течёт бумажная река? В дальнем конце помещения суетятся подсобники — подкатывают тяжеленные рулоны к могучим ножницам. Те режут бумагу на листы.

Один из подсобников замечает в раскрытом окне странного наблюдателя, тележку свою мигом останавливает. Подходит:

— Тебе что-то нужно?

Наш настойчивый расследователь желает говорить с бывшим владельцем типографии. Получает улыбку, а также веселый ответ:

— Да вон там этот деятель. Бумагу режет. Позвать, значит, банкрота?

— Если можно.

— Отчего нельзя? Ему размяться не помешает. Слишком он последние дни старается. Думаю, показывает: всё тут знаю, сам был рабочим и новая власть должна принять во внимание моё сегодняшнее усердие.

Костик был начеку, сразу выдал до чрезвычайности нужный вопрос:

— Был?

— Да, но потом стал служить гитлеровцам. Подкупили его. Он, попавшись на их удочку, разбогател, зазнался. Теперь ему стыдно, исправляется. А ты русский. Акцент у тебя заметный. Некоторых ваших ребят знаю. Однако тебя вижу впервые. Недавно приехал, наверное?

— Вы не ошибаетесь, — отвечает младший Суранов тактично.

— В небольшом городе с чего мне ошибаться? Ладно, доставлю тихоню.

Он вернулся к своей тележке. Покатил её мимо широченного, очень массивного стола. Там наборщик, нагнувшись, колдовал над коробкой с низкими бортиками. Готовил к печати свинцовые буквы для будущего номера газеты. Потом шустрый подмастерье подъехал к стальному резаку.

Здесь всю орудовала странная фигура в чёрном фартуке, тесёмочки которого были завязаны у старательной фигуры на спине.

«Прежний владелец!» — догадался Костик.

Едва приблизилась тележка, «бывший» принялся усердно сморкаться в большой клетчатый платок.

Представление было отрепетировано, по всей видимости, давно: шло оно как по нотам. Усердный тихий рабочий желал выглядеть кем? Несчастливым слабым человеком. Неважное здоровье должен был подчёркивать огромный платок.

Да уж, такое полотенце можно пускать в ход целую смену. И то вряд ли успеешь использовать всю его клетчатую площадь.

Тихоня подошёл к Костику, заискивающе улыбаясь.

— Чем буду полезен молодому господину?

— У меня дело к вам.

— Вряд ли окажусь полезным. Какие могут

быть дела у бедного? У труженика, не имеющего лишнего куса хлеба? Разве он достоин беседовать с великолепным сыном... Простите, молодой человек... Вы чей сын?

— Мой папа тут в городе служит. Он полковник.

— О, господин полковник оказал мне честь!

Младший Суранов почувствовал себя неловко.

— Извините, но я не полковник.

— Но вы его сын. А это почти одно и то же. Меня переполняет чувство уважения к славному военному господину.

Сладкие речи не нравятся Костику. Он готов немедленно возмутиться. С трудом сдерживается:

— Повторяю! Перед вами...

— Рад слушаться уважаемого сына офицера, — прежний владелец типографии приставил ногу к ноге. Замер по стойке смирно, словно солдат перед командиром.

Что тут поделаешь с неуступчивым подхалимом?! Пускай тянется, раз ему так хочется. Пока он старательно подчёркивает своё уважение, не мешает задать необходимый вопрос. Сначала — один. Потом — другой.

Нет, сразу про бандитов заводить разговор не годится. Лучше придумать подходец. Постепенно, полегоньку перейти к событиям последних дней. Вряд ли будет ошибкой для начала поговорить о прежней богатой жизни, о доходах заведения, о друзьях. Как теперь относиться к бывшей городской шишке резальщик бумаги? Не жалеет, что попал на хитрый крючок фашистов? Слово за слово, и вдруг отчаянно всплеснул руками собеседник:

— О, мой бог! Пусть будет проклят час, когда я послушался этого фашиста и вступил в его партию. Кто я был раньше? Честный социал-демократ, который пользовался уважением у здешних рабочих. Но лавочник ссудил меня деньгами. Удалось стать хозяином типографии...

— И вам теперь очень жаль, что был солидный доход?

— Вчера имел большие деньги. Но сегодня у меня друзей нет — горожане отвернулись от того, кого знали как друга одного из местных фашистских хозяев.

Отчаяние проявило себя достаточно заметно.

Реалист-«парижанин» смотрел на местного реалиста с большим клетчатый платком и терялся в догадках: врет или не так чтобы очень?

— Вам позволено снова стать рабочим. Уже неплохо, разве не так?

— Перед вами, уважаемый сын многоуважаемого полковника, несчастное существо, которое ждет, когда придет пора уйти из этого мира.

«Какая смерть? Прежний демократ вполне здесь живой, хоть и сильно тихий! Умело вызывает жалость к себе! Слова подбирает такие, что не подкопаешься», — соображал между тем Костик, и тут клетчатая материя, будто знак потерпевшего кораблекрушение, взлетела к хлюпающему носу небогатого печатника. Своим платком тот наверняка пытался вызвать понимание. И — неперемненное сочувствие у высокого сына высочайшего офицера.

У «парижанина», разумно скромного и честного, не было каких-то особо жалостливых мыслей.

«Пройдоха устраивает театр. Помани его сегодня какой-нибудь недобитый нацист хорошей подачкой, так он побежит за ней как собачонка. И ещё хвостом завилает», — высказался про себя. Ему следовало продумать ситуацию пообстоятельней: успел этот тип снюхаться с бандитами? Костик, честно говоря, даже вспотел от обилия нахлынувших мыслей. Соображай чуток поспособней, посланец разведывательной четвёрки! Учти, бандиты могли поостеречься. Им опасно привлекать к делу человека, с лёгкостью идущего на предательство. Однако в эти дни у друга, у бывшего местного фюрера, могло быть безвыходное положение. Разве не так? Эх, была не была! Надо идти в атаку. И парень выпалил давно подготовленный вопрос:

— С лавочником, прежним приятелем, когда в последний раз встречались?

Тот дёрнул головой, словно крепко взнузданный степной рысистый конь:

— Гром и молния! Видеть его не желаю!

— Но меня интересует, как давно видели его.

— Ничего не знаю. Никого не видел. Зачем сын офицера сюда пришёл и меня спрашивает?

Бывший нацист перепугался. Забыл даже назвать старшего Суранова многоуважаемым,

высоким, исключительно почтенным — всеми теми хитрыми словами, которыми старался завоевать расположение у сына полковника.

Собеседник начал внезапно переступать с одной ноги на другую. Можно было догадаться: ему не терпелось задать стрекача.

— Извините, ещё один вопрос...

Костик, разумеется, хотел, чтобы разговор продолжался. Однако прежний демократ не утерпел — поскакал прочь, словно оказался в горах и нужно было удирать куда подальше на манер горного прыткого барана. По дороге он врезался в стол, где набирали газетный текст. Поскорее отскочил от него. Налетел на деревянную конторку мастера. Но объясняться с начальством не пожелал, а поспешил спрятаться возле стеллажей с типографской краской.

Одна из банок на верхней полке покачнулась от неосторожного толчка. На макушку беглеца плеснула чёрная струя.

— Мне надо умыться! — крикнул он мастеру, что стоял за конторкой.

Дальше приключилась такая штука: дорога прыткого собеседника протянулась к водопроводным кранам, в дальние закуточки обширного помещения, где тот и затаился. Костик минут пять простоял у раскрытого окна — надеялся всё же задать ещё один атакующий вопрос. Да вот не вышло у него. То ли краска не отмывалась, то ли не нужны были разговоры картежному дружку давнего местного фюрера.

Реалистичному визитёру что делать? Он разочаровался в собеседнике. Тот многомудро испарился, и ничего не оставалось, как пойти в соседний скверик. Сесть там на лавку. Расположился наш исследователь под зелёной веткой. Напористо размышляет: «Скоро в типографии обеденный перерыв. Срочный там заказ или не очень, но рабочим всё равно полагается отдохнуть, перекусить. Надо подловить этого печатника в спокойной обстановке. Когда он отмоется от краски, поест, тогда и продолжится беседа. А для успеха в переговорах не мешает, чтобы здешний шустрый подмастерье мне подмогнул. Перед нами двумя «бывший» не устоит».

Шум станков вскоре за окнами затих.

В тупике возле типографии зазвучали голоса выходящих из цеха. К ним подкатил грузовичок. Шофёр крикнул:

— Кого домой подбросить? Мне заехать надо на станцию. Беру живой груз, если кому по дороге.

Часть рабочих уехала. Среди оставшихся был знакомый подсобник. Тот самый, который охотно рассказывал про здешние дела.

Костик быстро подходит к нему: позвольте побеспокоить ещё раз. У прежнего хозяина печатного заведения нет желания говорить. А тут как раз просто необходимо кое-что выяснить.

— Поэтому... можно ведь надеяться на ваше понимание, правда?

— Можно, — кивает тот. — Если очень нужно, то... ладно, будет тебе помощь.

А дальше случилось вот что.

Сняв свой фартук, отмывшись от краски, любитель помалкивать выходит из цеха. Завидев недавнего нежелательного собеседника, озабоченной трусцой торопится перебежать через дорогу.

Слышит мальчишеский крик:

— Стойте!

У молчуна есть неплохие извилины и нет намерения продолжать беседу с уважаемым сыном высокого полковника. Имеется желание — придержать бутылку с водой и пакет с бутербродами, поскорее скрыться в кустах сквера.

Помощник нашего Костика, типографский подмастерье, чешет затылок:

— Слишком прыткий он сегодня. Да, паренёк! Не понравился ему твой разговор. Ничего, сейчас мы его поймаем.

Они вдвоём бегут следом. Тихий печатник, удирая, очень даже громко ломает кусты, поэтому его хорошо слышно. Здесь вряд ли потеряешь нужное направление. Шустрый помощник смеётся: к выходу из сквера спешит этот трус, а нам зачем лазать по бузине? Надо бежать по дорожке туда, где в ограде имеется вход, ведь он каждому одновременно и выход. И проходов других тут нет. Безо всяких сомнений, попадет беглец нам в руки! Нацелились охотники, заняли правильную позицию.

— Бежать тебе некуда! — слышит печатник, когда выскакивает напрямиком на засаду.

Цеховой подмастерье грозит ему пальцем.

Предупреждает, чтобы никаких фокусов больше не было.

— Извините, у меня имеется один вопрос, — говорит тактичный Костик.

Запахавшийся беглец бормочет: ничего страшного не совершал! разве это преступление, когда ты делаешь для старого знакомого карточки визитные?

ПОХОД АННЫ-ЛОРЫ

Костик мигом догадывается: «Всё-таки нечисто у него дело!» А когда сообразил, ему стало понятно, — появилась целая куча новых вопросов. Да таких, что с ними в минуту не управиться. Как из пушки выпалил:

— Визитные карточки?!

— Совершенно верно, — был осторожный ответ.

— Для бывшего местного фюрера?

— Именно для него, — виновато сказал перехваченный беглец, а младший Суранов, строго смотря на тихоню, запинаться не спешил, он торопился наступать:

— Разумеется, карточки были напечатаны как раз неделю назад.

— У меня теперь нет доступа к печатной машине. Я не мог сделать этого неделю назад.

— Месяц?

— Что вы?! Заказ был выполнен давно. Прошло уже несколько лет.

Продолжать решительное наступление? Не имело смысла. То, что было сделано в давние времена, сейчас потеряло всякое значение. Хотя... почему бывший хозяин типографии заговорил о визитных карточках? Что беспокоило его в старом — довольно обычном для прошлых лет — заказе фашистского начальника?

Костик испытующе глаза щурит, говорит непреклонно:

— Зачем вы совершили этот нехороший поступок?

Бутылка с водой уронена. Бутерброды тоже готовы полететь на землю. Кажется, вопрос оказался слишком неожиданным. Бывший владелец типографии моргает донельзя испуганно:

— Понимаете... мой прежний друг очень просил...

— Нельзя было уступать ему!

Помощник Костика, цеховой подмастерье, качает головой в удивлении: до чего ловко со своими вопросами наступает паренёк!

Откуда ему было знать, что в далёком степном Париже хватало эвакуированных? Хоть школьников, хоть взрослых. Они, между прочим, за годы войны много разного увидели, услышали, научились понимать. И теперь умели вести разговоры не только дружеские. Вот такие сплошные реалисты!

— И вы сегодня сожалеете, что изготовили нацисту визитные карточки, мы правильно понимаем вас?

Костик нажимал и нажимал на проштрафившегося печатника. Хотя не догадывался, в чём же была его до чрезвычайности серьёзная ошибка.

— Вы правы, — пробормотал резальщик бумаги, поднимая с земли свою бутылку с водой. — Должен признаться, что просто боялся ему отказать.

Было хорошо видно: этот тип понимает свою преступную виновность. Стародавняя сделка относилась к разряду нечистоплотных? Возможно. Только неясно, зачем теперь каяться. О ней, судя по всему, никто не знал. Здесь не сообразишь сразу, что делать. Костик очутился в трудном положении.

Неожиданно на помощь приходит цеховой подмастерье. Он восклицает:

— Это что ещё за карточки?! Давай показывай нам, тихоня!

Бывший владелец типографии покорно вытаскивает из нагрудного кармана картонный прямоугольничек с чёрной виньеткой. Вот так штука! С давних пор печатник таскает с собой странное свое изделие.

Глянуть на витиеватые загогулилки — глянешь. Однако поди разбери, о чём торжественно сообщается готическим шрифтом. Если б тут показали что-нибудь попроще — другой случай. Разобраться можно было бы с обычными буквами. Но в школьной библиотеке степного Парижа не хранили книг немецкого Средневековья с хитрым алфавитом.

Хорошо, типографский помощник тут как тут. Рядом стоит. Вертит визитную карточку в руках, громко заявляет:

— Старый хозяин! Ты большой плут, оказывается! Почему твой друг-нацист попал в бароны? Он никогда аристократом не был, этот лавочник.

Тот, вытирая клетчатый платком не только нос, но и шею, ринулся оправдываться:

— Виноват. Напечатал чистую ложь. Но меня просили слишком настоятельно. Кончалась война. И к тому времени что было известно? Настоящий барон погиб на острове Рюген. Мой прежний друг умолял, требовал... Твердил, что пора уезжать в другую страну. Туда, где есть возможность устроиться неплохо с деньгами и древним титулом.

Пора было воспользоваться моментом, и Костик решил ошарашить печатника новым вопросом. Что случилось, то случилось, насчет золотого запаса, припасённого в садовых закладках, сомневаться уже никому в городе не приходилось. Интерес тут вызывала только хитрая, очень большая предусмотрительность фабриканта. И тогда Костик заявил:

— Не стоит нас обманывать! Для чего носите с собой эту лживую визитную карточку?

— Признаю ошибку. Однако заказчик тогда не соизволил расплатиться. Поэтому сегодня... при случае я мог бы напомнить ему об услуге. Понимаете... если б случайно встретились...

Цеховой подмастерье поморщился. Он был уверен, что хитрец кое-чего недоговаривает.

— Нет желания тебя понимать. Наверное, ты заодно с теми бандитами, которые скрываются где-то на окраине в развалинах.

— Была надежда, карточка защитит меня. Поискал, нашёл визитку. Ношу в кармане, потому что работаю на предприятии. Оно принадлежит новой власти. Меня ведь могут... так же, как и Ротфельса... за добровольное... даже просто за работу... Вы же понимаете. В таком случае я что делаю? Предъявляю этим господам визитную карточку. Прошу, чтоб не трогали меня. В память о прошлой дружбе.

Шустрый подмастерье недоволен, с укоризной крутит головой, восклицает:

— Уж эта ваша подлая дружба!

Хмурясь, пошёл было прочь. Остановился, отойдя шага на три от сквера. Обернулся и крикнул нашему посланцу:

— Эй, парень! Надеюсь, тебе всё ясно?

— Спасибо за поддержку. До свидания, — ответил мой приятель.

В его словах воспитанной вежливости было гораздо больше, чем ясности, — для всей дружной четверки. Нет, очень даже сообразить можно: печатник, неисправимо последовательный хитрец, сильно боялся бандитов, а также своего старого дружка-нациста. Да только нечего и думать, чтобы пройдошливый тип мог быть для нас полезным.

И всё-таки младший Суранов показал себя молодцом в непростом разговоре. Совсем не зря провентилировал бывшего хозяина типографии.

Опять же не прогадал с помощником: цеховой подмастерье оказался заинтересованным человеком — нашёл безотказный подход, чтобы выпотрошить у тихони целый мешок фактов. Довоенная рухлядь? Она вовсе не выглядела бесполезно лишней. Мы узнали достаточно интересные подробности об уговорах печатника и местного фюрера. Оставалось правильно ими распорядиться. Всё прежнее содружество картёжных игроков проделывало делишки то мелкие, то большие, но иногда просто заведомо преступные. Такие, где золотые тайныеклады оборачивались до невероятности огромными кровавыми действиями.

Сделав своё непростое дело, Костик предложил — что? Пусть Анна-Лора расскажет аптекарю про богатых картёжников. Вполне возможная история, когда кое-что новенькое выплывет. Неплохо будет, если удастся прозвать от Ротфельса, как обнаружить подельников погибшего местного фюрера.

Сестра Курта согласилась, но Костик посоветовал: предупреди брата о том, куда пойдёшь. Зачем? У нашего «парижанина» появилось подозрение. Этот резальщик бумаги не понапрасну опасался ходить по улице без визитки — без карточки с готическим шрифтом, что могла бы выручить хитреца при встрече с тёмными личностями.

Анна-Лора идти по городу не побоялась. Брату предусмотрительно сказала:

- Мне бы сходить в аптеку.
- Полчаса, — ответил он.
- Я быстро.

Курт кивнул, продолжая чистить картошку. Раз ей надо, пусть идёт. Конечно, тут недалеко, и всё же сгодится знать, где сестра находится. Та довольна: если б захотел, сделал выговор, поскольку она должна варить суп, пока мать на работе.

Родного брата Анна-Лора уважала. Он отзывчивый, добрый. И ловкий. Без руки, однако научился чистить картошку сам. Удивительно, до чего расторопный! Зажмёт кругляш коленями, и — жжик острым ножичком. Две минуты — картофелина очищена. За ним не угнаться. Вот и сейчас: прямо засмотреться можно!

Между тем Курт с овощами заканчивает. Говорит об очень важных вещах:

— Спроси у Ротфельса, как поживает. Может, помощь ему нужна? Бедный аптекарь. Поиздевались над ним налётчики. Однако им недолго осталось пугать людей.

Чисто почищенного в кастрюле прибавляется, а желания высказаться у брата не убавляется.

— Вчера на работу ко мне навевывался Руди... Слышала раньше о молодом Шёнберге? О том, кого нацисты держали в концлагере? Ему теперь велено присматривать за перекрёстком, где от шоссе отходит дорога к хранилищу ценностей. Знаешь, что полицейский дал мне? Свисток, чтобы я посигналил ему из баронского замка в случае чего. Бургомистр настроен решительно. Ни за что бандитам не позволят хозяйничать в городе.

Анна-Лора взяла хозяйственную сумку: по дороге надо было получить по талонам хлеб. Потом с улыбкой, как умеет всякая шустрая немецкая девочка, дунула на ладошку — послала Курту воздушный поцелуй, убежала.

Не забыла прежде положить наш пузырьёк в боковой отдел сумки. Там был клапан с кнопкой-зашёлкой, и он хорошо прикрывал кармашек. Улика, которая могла быть очень полезной, не выпорхнет случайно.

В булочной, к счастью, очередь оказалась небольшой. Вскоре со спокойной совестью и с хозяйственной сумкой, где полеживали хлеб, а также драгоценная коричневая стекляшка, девочка стояла перед Ротфельсом. Ему помогли уже, пополнили запас лекарств на полках.

Увидев посетительницу, он вспомнил, что

раньше они уже встречались. Оттого позволил себе несколько оживленных восклицаний, пусть не очень веселых, однако не сказать, чтоб совсем уж грустных. С таким цветом лица! Обращаться в аптеку за пилюлями? Что болит у юной фрау?

Анна-Лора не считала, будто ей нужно сейчас выглядеть очень печальной. Либо, наоборот, страшно счастливой. Однако в доверительном разговоре необходима прежде всего демонстративная откровенность. Это — без сомнения. Поэтому что делает она?

Безо всякой задней мысли, на все сто честно заявляет:

— Я здорова. И вам желаю того же. Беспокоюсь, конечно...

— Благодарю. Наверное, тебе нужны лекарства для брата.

— Он передаёт вам привет. Интересуется, нужна ли какая-нибудь помощь.

Аптекарь махнул рукой в сторону полок:

— Как видишь, тут снова всё в порядке.

Анна-Лора повнимательней оглядела стены. Бутылочки с разными снадобьями действительно уже заняли свои места. Резиновые грелки опять висели на деревянных крючках. Заведение имело не вполне прежний облик. И всё же — довольно приличный. Жаль только, что не видно было ни одного пузырька, похожего на крутобокую коричневую стекляшку.

— У Курта нет руки. Как у него с плечом? Есть неприятные ощущения? — участливо спрашивает аптекарь.

Она понимает, что надо поддержать доверительный разговор, поэтому охотно сообщает:

— Спасибо, всё хорошо. Брат одной рукой научился даже картошку чистить.

Под ногой у Ротфельса что-то хрустнуло. Заскрипело. Звук ему не нравится. Он нагибается. Поднимает с пола кусочек тонкого стекла.

— У меня здесь гости... очень старались ломать. Я после них тщательно убирал. И вот не углядел. Поразительная способность у этих небольших осколков: они умеют ловко прятаться и неожиданно скрипеть.

Ротфельс подносит к очкам найденную стеклянную крошку. Рассматривает её. Вздыхнув, осторожно кладёт затем в коробку из-под

шприцев, наполовину заполненную иглистыми хрусталиками. Объясняет:

— Мелких безобразников я сюда складываю. Потом уж всё разом выброшу.

Аптекарь выглядит чудаковатым немного. Но его жалко, и находчивая девочка предлагает:

— Могу дополнительно прибраться у вас. Думаю, от меня даже маленьким осколкам будет трудно спрятаться.

Юная гостья Ротфельсу нравится. Она выглядит доброжелательной. Куда более приветливой, чем недавние визитёры, которые кричали, крушили... Да уж, старому человеку теперь подметать здесь — умучаешься.

— Возражать нет причины, — говорит аптекарь. — Если имеется такое желание... думаю, ещё раз можно протереть пол. А твоему брату не стоит беспокоиться насчёт полок. Соседи ко мне уже приходили. Снова кое-что сколотили. Ремонт не закончен, но они завтра опять придут.

Анна-Лора со своими обязательными распросами не торопится. Вооружается тряпкой, щёткой с длинной ручкой. Вот, значит, наводит и наводит порядок. Между прочими делами забирается под прилавок. Выуживает оттуда пузырёк зелёного цвета.

— Смотрите! — восклицает Ротфельс. — Совсем целый! Прекрасно! Это глазные капли для расширения зрачков. Сам в них нуждаюсь, поскольку близорук, и собираюсь заказать себе новые линзы. Капли пригодятся, чтобы узнать нужную силу очков. Большое спасибо.

Целехонький пузырёк занимает почётное место на полке. Анна-Лора продолжает тщательную приборку, а сама при всём соображает: «Очень интересно. Аптекарь по цвету определил, что там находились глазные капли. Может, показать нашу драгоценную улику? Пусть подскажет, какое лекарство там было».

Здесь нужно теперь отметить. Она имела возможность схитрить. Возьми и немедленно объяви: под прилавком рядом с зеленым валялся ещё один пузырёк — коричневый. Не удачный ли был бы ход?

Обман в конце концов очень невинный. Какая разница аптекарю, где найдена наша пустая пузатая посудина? Пусть радуется: перед ним исправный экземпляр, исключительно

годный для употребления. Хоть сейчас наливай туда какую-нибудь микстуру. Однако она решает поступить по-другому.

Откровенный разговор — он всегда хорош, да только требует честности от всех. Доброжелательная гостья задаёт вопрос и получает ответ. Вполне искренний. Такой именно, который нужен. Разве плохо? Очень даже нехорошо, если твой обман раскроется! Рассудив, Анна-Лора достаёт из сумки найденную на шоссейке улику. Показывает собеседнику: сможет подсказать, что тут было раньше? Он ведь так хорошо разбирается в аптечных пузырьках! Получилось, что её решение оказалось верным. Ротфельс не просто поспешил ответить — он пустился в подробные объяснения.

— У меня было несколько подобных ранее использованных пузырьков. Не выбрасывал их, повторно использовал: они были с мазью для заживления пореза или какой-нибудь мелкой ранки. Не осталось даже осколков. Кстати, состав мази особый. Сам его придумал. Проверил на себе, когда однажды повредил ногу, стараясь нарубить побольше дров.

Старый человек оживлённо рассказывал: всё зажило на третий уже день! отличный результат! Ротфельс полагал: не следует пренебрегать зелёной аптекой. К примеру, такими растениями, как подорожник. Они действуют порой лучше патентованных таблеток.

Анна-Лора слушала, стараясь не прерывать собеседника. Тот не умолкал. По всей видимости, сел на любимого конька. С этими своими травами. Ей, конечно, все подробности интересны. Чем их больше, тем ближе подойдёшь к тайне коричневой стекляшки. Вот уж нелишне знать: однажды топор скользнул по лодыжке знатока трав. Тот — бинт на пострадавшую ногу. И сразу пошёл за дом — туда, где буйно разросся бурьян.

Там после войны всяких сорных растений изобилие. Они-то как раз самые неприхотливые. Оттого и целебные, что исключительно жизнестойкие. Надо только найти подходящие, чтобы на их основе приготовить нужное лекарство. Аптекарь замолчал, припоминая события последних дней. Анна-Лора подсказывает ему:

— Понимаю. Был случай, когда вы предложили свою мазь...

— Совершенно верно. Порекомендовал.

— Можно узнать, кому?

Тот, ласково потеряв гладкий выпуклый бок пузырька, поставил его на полку. Если девочке не жалко, пусть он остаётся здесь. Полезное ведь дело — снова походить по бурьяну, поискать листочки подорожника, приготовить кое-что для посетителей аптеки. Некоторые из них уже знают, что можно вылечить себя, не обращаясь за помощью к врачу.

Почему надо молчать о своих успехах? В конце концов, все фармацевты немного ревниво относятся к званию. К такому, например, — «фельдшер», звучит очень неплохо. Дипломированный хирург — это другое. Тут Ротфельс претендовать не станет, но поскольку он достаточно умудрён жизнью, то позвольте ему взять и порекомендовать свою мазь. В качестве того же фельдшера. Какому-нибудь посетителю, что порезал себе палец.

— Разве нельзя? Ни в коем случае? — вздохнул чуть виновато.

— Ничего не имею против.

— Мои успехи... Я никому не желал зла. А здесь пришли, всё переломали и... Столько теперь у меня горя.

Наша посланница предпочитала быть терпеливой. Не стала торопить события. Она с пониманием ждала, когда аптекарь выскажет всё, что было у него на душе. И момент наступил: тот между прочим вспомнил, как однажды приходила к нему сестра бывшего местного фюрера. Анна-Лора не упускает случая. Скорее спешный, чем неспешный, задаёт вопрос:

— И часто она к вам заглядывала?

Не вот тебе сразу, однако сообразительной девочке становится известно кое-что — на сегодняшний день достаточно интересное.

Важная фрау редко снисходила до посещения аптеки. Если два-три только раза приходила, да и то лишь в последнее время. Помнится, лето наступило, явилась она и что попросила? Поскорее продать ей мазь Ротфельса. Если возможно, побольше — солидную баночку. Он, естественно, удивился. Объяснил: остался всего-то небольшой запасец. Чтобы приготовить больше, нужно собирать целебную траву снова.

Придётся, мол, заняться этим делом после работы. Неделя как минимум потребуется. Тогда лишь у него появится возможность выполнить заказ. А потом спросил, велик ли порез у посетительницы? Скорее всего, он у неё размера не слишком большого, и нет нужды ждать лекарства так долго. Есть, например, спиртовая настойка йода, порошок марганцовокислого калия.

Тут она рассердилась. Как, ей предлагают обычную марганцовку?! Щёки стали красными, в голосе появилось раздражение. Не то чтобы стала кричать, но позволила себе очень громко сказать аптекарю: не нужно лезть не в своё дело!

Постояв и подумав, она затем неожиданно предложила Ротфельсу... что?

Кто бы мог подумать! — поделиться с ней секретом.

Каким — поинтересовалась девочка — секретом? Именно этим: как можно в домашних условиях изготовить чудодейственное средство. Пусть аптекарь не стесняется. Будет ему очень приличное вознаграждение: фрау готова заплатить за сведения золотыми гульденами.

От таких денег аптекарь отказался, и юная посетительница имеет право спросить: почему?

Каждый человек может сообразить, что брикетная фабрика в городе не работает. С дровами тоже, как говорится, не густо. А когда зарядит дождь и в комнате будет противная холодная сырость, разве пойдёшь за помощью к соседу... пойдёшь с гульденами? Они в цене где-нибудь далеко. В другой стране. Там, где скромному аптекарю делать нечего. Да, не слышно было, чтобы соседи собирались раздобыть побольше золота, чтобы отправиться куда-нибудь подальше. Именно об этом он пожелал сказать строгой важной гостье. Тем более, что не собирался делать секрета из состава своего лекарства. Несколько дней, он сделает всё, как нужно, и тогда...

Однако рассудительного разговора не получилось. Наверное, богатая фрау сделала заключение: продолжать беседу с аптекарем, не понимающим свою выгоду, глупо. А приберечь золото — как раз умно.

Ротфельс развёл руками: кончилась фирменная мазь.

Анна-Лора, конечно же, начеку. Сразу эту ситуацию оценивает, позволяет себе осторожно заметить:

— Хотелось бы знать, что случилось потом. Быстро зажил её порез?

— Ничего не случилось. Никакие лекарства не понадобились от меня. Говорят, теперь она оказалась под арестом.

— Да, это верно.

— Тогда моё средство не нужно. Другие займутся её недугом. Если появится необходимость.

Анна-Лора выяснила, о чём нам догадаться бы пораньше, но догадываться каждый способен, а вот быть уверенным — это уже другая история. Полагается знать точные факты. Анна-Лора шла из аптеки и думала: «Моя старая хозяйка вовсе не случайно посетила Ротфельса. Скорее всего, у неё пореза не было. Зачем тогда ей мазь? Фашист, который прятался в ангаре, был ранен. Может, она узнала об этом, и тогда, выходит, все они были в одной компании: бандиты и бывший лавочник с хитрой нынешней садовницей».

СТРАНА ХРУПКИХ ЧУДЕС

И Колян, и Костик, и сестра Курта — все они добавляли своё в копилку.

В какую именно копилку? Пусть это будет кошёлка из мягкого лыка, что была привезена строгой Валентиной Осиповной, нашей с Машкой мамой, из России в Германию.

Такие случились дела: история с пузырьком из толстого коричневого стекла потихоньку обрастала подробностями, которые помогали понять, откуда стекляшка взялась в «Мерседесе».

Что касается моего путешествия в замок... Кроме договоренности с ребятами, меня подгонял ещё один интерес. Хотелось поскорей очутиться внутри древней постройки с её большими залами, увешанными картинами и старинным оружием. Не бывал там пока. Лишь издали видел остроконечные башенки, узкие окошечки-бойницы.

Самая короткая дорога туда — по тропке воз-

ле озера с камышами и береговой крапивой, где мы с Коляном поначалу думали испытать найденный у садовницы палаш.

Вот я, значит, иду. Поглядываю по сторонам, вижу камыши. Они согнулись под тяжестью коричневых набалдашников, бестолково мотаются над мелководьем. Отчего они бестолковые? Оттого что дует ветер от замка, а то вдруг с озера. Поэтому делать им нечего, кроме как болтаться. Туда и сюда.

Зато очень толково покачивается на невысоких волнах яхта. Когда-то барон, любитель быстрых судов, плавал здесь по озеру. Нынче Курт подновил ее, подкрасил где надо. Хоть сейчас путешествовать вдоль камышовых берегов по зеленоватой воде.

Вполне исправная яхта стоит у деревянно-го причала. Если б не шёл в музей, в хранилище древних ценностей, я мог бы подняться на палубу и...

Ладно, не стану увлекаться мечтами. Буду иметь в виду: брат Анны-Лоры не сидит тут без дела. Ко всему в бывшем аристократическом поместье Курт старается приложить руку, хоть она у него единственная.

Довольно красиво смотритель отделал судёнышко. И коллекцией барона — между прочим, вполне усердно — он занимается изо дня в день.

Стены замка приводит в порядок также. Иначе ветер не доносил бы до меня запах свежей извёстки.

Иду и вспоминаю: по словам нашей немецкой помощницы, другая яхта барона — по всей видимости, размерами посолидней — раньше всегда стояла в порту Северного моря. В семье девочки об этом знали, и теперь для дружной расследовательской четвёрки станет важным, что в молодости хозяин замка увлекался парусными регатами. Перед войной он был вроде консультанта по учебным судам, на которых плавали курсанты-моряки.

Когда приблизился к воротам, заметил кораблик. Не на воде — на изумрудной травянистой лужайке возле высоких стен. Нет уже на свете поклонника парусов, а его пристрастие — тут как тут оно. Трёхмачтовый бриг.

Не настоящий, конечно. То ли Курт из под-

ручных материалов сотворил морское судно по указанию владельца старинного замка, то ли на фабрике изготовили. Вышло красиво. Смотрится модель здорово: снасти из тонкой медной проволоки, а корпус из гладкого светлого металла.

Каждый, кто видит кораблик, чувствует: появляется желание немедленно отправиться в дальнее плавание. По морям — хоть северным, хоть южным.

Во всяком случае, у меня опять — мечты насчёт яхты. Попросить Курта, что ли? Почему не походить под парусом по озеру?

А сейчас захотелось постоять здесь — послушать, как тоненько поют на ветру проволочные паутинки красивых снастей.

Увесистая рука хлопает по моему плечу.

Она мужская, тяжёлая. И есть желание или нет, но ведь страшно обернуться. Возможно, кое у кого обнаружится вопрос: почему? Да по той простой причине, что пришла мысль — не иначе здесь бандит! Исподтишка выскочил, подловил меня. Сегодня у него жестокое намерение разобраться с одним из тех, которые бегают повсюду и пытаются узнать правду насчёт коричневого пузырька. Уф, какое неожиданное соображение! У меня под рубашкой между лопаток побежал ручеёк холодного пота.

Обещал честно рассказывать, так что... Хлопок по плечу оказался решительным чересчур. И я, просто-таки собрав силы, замер. Если не закоченел напрочь, то в явственности почувствовал, как ёкнуло что-то в животе. Не оборачиваюсь, тихо-мирно стою. Тем временем сзади говорят по-немецки:

— Бургомистр доволен.

Оттаиваю, оборачиваюсь медленно:

— Кто доволен?!

Полицейский Шёнберг сообщает:

— Золото пригодится. В городе быстрее пойдёт ремонт.

Меня заклонило:

— Бургомистр доволен. Золото пригодится... А здесь — полицейский Руди!

— Ты, кажется, очень догадлив, — заявляет тот и при этом подмигивает. — Я... Действительно я. Мало изменился, не так ли?

— Совсем прежний, — реагирую машинально.
А сам думаю: что он тут делает? За мной следит?

— Учти, всё же изменилось кое-что в городе. Поэтому посматривай по сторонам внимательней, — говорит Руди.

На этот раз не тороплюсь с ответом. Разглядываю знакомя.

Со дня встречи прошло не так много времени. Нет и недели. Полицейский не успел стать здоровьком за несколько суток. Зато обзавёлся новенькой формой, внушительной кобурой на поясе.

Если там из оружия было что-то очень солидное, то размером никак не меньше тяжёлого маузера.

— Ситуация, сам знаешь, осложнилась. И теперь у меня вопрос: парень, имеешь неперемные дела в замке?

— Хочу повидать Курта.

— Не советую сокращать дорогу, пробираясь по камышам озера. Миновать пост на перекрёстке — нарочно или случайно — с нынешнего утра не рекомендуется. Соображаешь?

Охотно киваю.

Если дружная четвёрка старается по мере возможностей покумекать насчёт некоторых пузырьков, то каждый из нас вполне способен понять, отчего появился пост на перекрёстке.

— Значит, сейчас иди через главные ворота. Там обязательно увидишь Курта.

— Спасибо, — спешу поблагодарить полицейского.

Через несколько минут мне предстоит оказаться перед братом Анны-Лоры. Я не утерял ни грамма уверенности в правоте нашего дела. При всём этом стараюсь держать в уме: въедливая благовоспитанность Костика и твердая настойчивость Самопалова способны творить чудеса хоть в каком разговоре. Мне тут, в старинном замке, тоже нужно расстараться.

Сразу же за воротами вижу Курта, собирающего в совок соскобленную со стены старую штукатурку. Как можно было заметить, не только в городе, но и здесь ремонт шёл полным ходом. Помощников у зрителя пока что нет. Не каждому доверишь музейные хлопоты. Охрана? Пусть она по распоряжению бургоми-

стра близости располагается, но у постовых, как известно, обязанности особого рода.

— А я к тебе. Пустишь поглядеть здешние сокровища?

В чуланчике, где брат Анны-Лоры хранил метлу, извёстку, малярные кисти, он снял рабочий халат. Ополоснул руку в тазу с водой и, прижав к груди полотенце, вытер испачканные пальцы.

— Пошли. Если интересно, покажу кое-что. У меня тут всего хватает.

Идём по коридору. Входим в просторное помещение.

Пришпиленными жуками висят на стенах круглые железные щиты стародавних рыцарей. Красуются неподалеку здоровенные секиры. Ответственно заявляю: в бою они скорее всего не слишком эффективны. А вот в руках слуг, ограждающих какого-нибудь повелителя, вполне знаменательно в старозаветные времена, — это им, что называется, безусловная обязательность. Потому что огромные и наверняка тяжеленные. Они просто-напросто впечатляют.

Я бы не сказал, что здесь всё уже расставлено как надо. Некоторые вещи смотрятся до убедительности странновато.

Зачем возле ближней стены обычные вешалки-стояки с большущими крючками для пальто и шляп?

— Оружейное помещение может принимать посетителей. Скоро их будет больше, — подсказывает Курт. — Парадный зал ещё не вполне подготовлен, но уже сейчас выглядит достойно. Желаете поглядеть?

Быстро идём дальше, он распаивает широкую, на вид исключительно крепкую, двустворчатую дверь.

Тут посетителю дозволено удивляться либо не удивляться. Но красоты всякой — верно сказал Курт — действительно хватает.

Задираю голову. Что вижу? Вкруговую тянутся к высоченному потолку колонны. Если понизу лоснится навощённый паркет, то над колоннами — бирюзовое небо, таинственно мерцающее звёздами. Я загляделся и неожиданно для себя опустился на стул с мягким сиденьем.

— Осторожней, — замечает Курт. — Мне полагается охранять этот стул. Он ведь не простой. Старинная работа. Барокко.

Завороженно киваю.

Нет у меня твёрдой уверенности в своих художнических познаниях. Что касается вычурно-мебельного стиля... Если подавай заковыристому «барокко» резные гнутые ножки, шикарное бархатное сиденье, то пусть будут изящные тонкие загогулилки, а также побольше всякого шика-блеска.

Лунный серп матово лучится на бирюзовом небе, он целится острым рогом на мебельную красоту. Мастера картин здесь шутят... или рог — это серьёзно?

Кто их знает, однако мне стоит поостеречься насчёт непродуманных вопросов. Сбоку неба, на карнизе потолка, посиживают ангелочки. Они вполне миленькие. Только никаких улыбок не позволяют себе.

Нет, они всё-таки не похожи на откормленных голышей в комендатуре у майора Тамарова. Малость посерьёзней будут. Хотя — не сомневаюсь! — тоже сотворены в шикарном стиле. В таком разе посетителю позволено сообразить: мудрёное кругом «барокко», и никак не иначе.

У дальней стены вижу стол со всяким добром.

— Можно поглядеть, что там?

— Ступай, раз такой любопытный.

Там — подсвечники разных фасонов и старинные часы. Пепельницы из цветного стекла и всякие расчудесные вещицы. Смотрю на сверкающий разноцветьем фарфор, чувствую: притягивают меня затейливые поделки. Прямо глаз отрывать не хочется.

Вряд ли эти вещи всю войну стояли на столе. Городскую фабрику бомбили основательно. Могло крепко достаться и замку. Ценности были спрятаны. И если теперь они вытащены из местного подвала, то ведь Курт достал их от туда, кто же ещё?

— У тебя, конечно, каждое красивое блюдо на учёте.

— Как полагается, — отвечает он.

— У двери висит на шнурочке тетрадь...

Курт кивает: правильно! зритель должен знать всё о ценностях! Кому как, а мне понят-

но, что у него там записи непростые. Один экспонат из коллекции фарфора, другой — из собрания картин, а понять что и откуда помогают инвентарные номера. Заявляю: расскажи тогда про вазу!

— Какую?

— Меня интересует та, которая разрисована красными и жёлтыми цветами. Очень длинные у них лепестки! Если судить по ним... по длинным узким лепесткам, то здесь... хризантемы! Верно?

Курт листает тетрадку.

— Может быть. Однако не в них дело. У меня указано: знаменитый немецкий фарфор из Мейсена.

Поднимаю вазу, чтобы посмотреть, есть ли отметка на донышке. Собеседник осторожно берет её из моих рук. Ставит на место.

— Ошибки нет. Исключительно ценная вещь.

— На вес золота? — шучу.

Кажется, мои слова оказываются не к месту.

Зритель замка вполне серьёзно отнёсся к вопросу.

— Насколько знаю, коллекция была замечательная. Много из неё ушло. Когда и куда, сказать теперь невозможно.

Задумчиво и даже грустновато смотрит на стол с драгоценными экспонатами. Кроме вазы, тут, на мой взгляд, фарфора достаточно. Красивые чашки, чайники. Есть даже пудреница с пухленьким малышом на крышке.

Рассказчик продолжает: после войны в замке не осталось ни одного полного собрания мейсенских сервизов! А ведь некоторые из них были уникально дорогие. Старинного изготовления. Сомневаться не приходится — как раз дороже золота, поскольку имели ценность не только художественную.

— Тогда какую же ещё? — удивляюсь искренне. И тут идёт от зрителя подсказка: историческую как раз, такую, что помогала видеть связь культур Востока и Запада.

— Всепланетное дело, — качаю головой.

Сам на ту минуту думаю: «Для некоторых собирать марки очень важно. Это для них чуть ли не единственный свет в окошке. Другие любят коллекционировать этикетки спичечных коробков — им вынь да положь новую

картинку. Увлечаться мейсенским старинным фарфором, который, оказывается, страшно дорог, тоже неплохо. Подходит как раз для богатого владельца замка. Непонятно только, что случилось с собранием барона, если ни одна бомба сюда не попала. Он навещал местного фюрера. Может, нацистам удалось тут пожить?»

Я был уверен: находился бы здесь наш мудрый «парижанин», он отыскал бы новые факты о делах барона и лавочника. Но его рядом нет как нет, и мне самому надо крепко постараться.

Начинаю слово за слово расспрашивать Курта.

С чего начался его подробный рассказ? Ясное дело, с оголтело жадных гитлеровцев. Ведь те, уходя из города, увезли с собой часть фарфоровой коллекции. Когда ему доверили старинное хранилище, смотритель замка не поленился: хоть это и заняло много времени, составил список украденного. Он завёл особую тетрадку. В ней — Курт показал мне свои записи — значились уникальные изделия мейсенской мастерской. Те самые, что пропали без следа.

О, фашисты грабили замок со знанием дела! Ваза, которую мне довелось рассматривать, была очень ценной. Но всё же стоимость её, по словам Курта, была меньше, чем цена любой фарфоровой зверюшки Кендлера.

Учёный или не очень учёный, он сделал их когда? Да вот пожалуйста — около двухсот лет назад! В начале восемнадцатого века. Уже в то время они были большой редкостью. Позже, когда другие умельцы начали делать похожих зверюшек, поделки мастера стали уже просто антикварными. Каждая из них стоила целое состояние.

— Хозяин замка перед войной чуть не разорился, скупая по Европе все эти забавные фигурки двухсотлетней давности, — сообщает мне брат Анны-Лоры.

Он вздохнул, словно ему было жалко испарившегося баронского состояния. Но понятно, расстроился по другой причине: знаменитое культурное наследие ушло неизвестно куда. И, кажется, навсегда. Пусть Курт не думает, будто я туго соображаю. Заботы его пролетают здесь мимо? На манер лёгкого воробьи-

ного пёрышка? Нет, они вовсе не кажутся невесомо лёгкими, просто-таки излишними. Ясно, фашизм в Германии был не всегда, и достижения культуры — очень большие — были много раньше.

Мой собеседник почему озабочен? Да потому, что прошлую, совсем не фашистскую, красоту хочет сохранить. А насчет новейшей... Курт истинно что надеется: она получит своё развитие. Вполне достойное, очень похвальное, когда мастерство и талант народа не станут подпоркой для воинствующих гитлеровцев.

— Курт! Одно время ты служил у барона. Скажи, он был плохим человеком?

Тот задумался.

Осторожно подбирая слова, ответил:

— Мне почему трудно говорить? Причина простая: приходилось видеть его разным. Думаешь, он ел на серебре из своего собрания? Попивал чаёк из коллекционных чашек? У него ни один гость не получал угощений на мейсенском фарфоре. И вообще, этот человек не любил принимать гостей. Он был фанатиком собирательства.

Куда повели меня размышления? Как раз туда, где барон чуть не разорился.

Из всех этих чашек — факт! — он кофе не пил.

Напиток, который всегда любили в Германии и который был во время войны в большой цене, представлялся ему дороговатым. Брат Анны-Лоры имел право поудивляться. Сразу поверишь такому наблюдателю. Да, хочешь не хочешь, а пей, старательный коллекционер, напиток из цикория! Тоже неплохая штука. Она вполне приличная и достаточно доступная.

Интересно, этот фанатик был скрягой? Раз не любил привечать у себя гостей. Ой, вряд ли дело здесь было только в драгоценном сервизе! Ведь приглашенных кормить надо. А человек с похудевшим кошельком скорее всего мог угощать людей лишь капустой.

— Можно узнать у смотрителя замка? В давние времена собирательства... барон тот... отличался насчёт высоты и толщины?

Хранитель нынешних фарфоровых богатств смеётся. Рост, мол, средний, а толщина с очень толстым знаком минус.

Получается: продай худой скряга фигурку мастера Кендлера — и затем попивай свой кофе. Хоть целый год без передыху.

У него под боком золотые запасы, но ему — лучше иметь кислую капусту и забыть о визитёрах. Конечно, гитлеровцы в конце войны не могли позволить себе такого, чтоб не прийти. В гости. Без всякого приглашения. С грабительскими намерениями. Тут всё понятно, однако...

Немедленно подбирается ко мне размышляющее соображение: «Анна-Лора что говорила? Однажды барон заявился к местному фюреру. Зачем это было нужно, раз ни в коем случае не мечтал об ответном визите? Ясное дело, очутился у бывшего лавочника не ради того, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Было несомненное дело, и они его уладили. В благодарность барон продал нацисту кое-что из фарфора. Поэтому фашистам стало известно о «золотом запасе», который легко умыкнуть при случае».

Вывод немного странный. Он меня, честно говоря, пугает: «Что же происходит? То и происходит, что у бывшей хозяйки Анны-Лоры есть ещё один клад. Не с бумажными деньгами, не с иностранными монетами. А с каким-нибудь мейсенским сервизом. Вполне возможно. Она страсть какая способная на все эти захоронения».

Если её фарфор на вес золота... тогда надобно пониманием озаботиться: до клада с очень ценной посудой сегодня добраться трудно. Не вот вам удивительно, когда нацисты причинно медлят, не спешат убраться из города.

Расскажи я Костику про свои выводы, он стал бы размышлять, как говорится, вдоль и поперёк. Но мне по душе догадка насчёт нового клада. Почему она до невозможности привлекательна?

Наверное, по достойной причине: есть ведь опыт по раскрытию тайников, и секретное местечко — с поделками старинных мастеров — можно теперь отыскать.

Всё-таки наловчился кое-кто в городке раскапывать клады. Те, что прежняя хозяйка Анны-Лоры с большим старанием захоранивала, разве не так?

— Курт! Твоя сестра говорила о фарфоровых поделках в комнате хозяйки. Ты видел их?

Чего нынешнему зрителю не довелось, того не довелось. Однако от брата Анны-Лоры не ускользнуло — барон переживал, душевно маялся, когда расстался с ними.

Кому как не камердинеру было знать, что коллекционер потом плохо спал? По ночам вдруг вставал, бродил по комнатам, рассматривал свои драгоценности. Не посмотрелся раньше, что ли?

Безо всякого сомнения, расставание с фигурками было ему в тягость.

— Зачем барон продал их?

— Насколько знаю, он всегда покупал, — собеседник словно в недоумении оглядел стены и потолок в небесных звездах, после чего пожал плечами. — Была у него такая страсть. А продавать... нет, не помню о подобном случае.

— Но тогда выходит, будто он просто отдал их!

— Подарил, что ли? Не может быть! Совершенно исключено!

Вот так штука! Хранитель драгоценных сокровищ настаивает на категорической небывальщине, и я теперь ничего не понимаю. Разве можно тут сообразить, какая именно логика была у заядлого коллекционера с его цикорием и капустой? Но, может, дело было вовсе не в худом, словно костыль, собирателе древних зверюшек?

— Курт! Скажи! У тебя есть догадка, что произошло в те дни?

Он вслух размышляет: кроме удачной купли и выгодной продажи, в жизни всё-таки другое возможно. Было трудновато, видно, заполучить... своё существование... на земле, где хозяйничают фашисты.

— Значит, барон мог пойти под расстрел?

— Сопоставил некоторые факты. В те дни барон трясся, как ветка бузины в бурю. Не захочешь — заметишь его беспокойство. Однако с ним на этот счёт никаких бесед не припомню. Он молчал, я тоже.

Зритель картин и фарфора кое-что проясняет, и ты можешь ликовать.

Пусть нет здесь нашего особо вдумчивого Костика, вполне возможно отметить, оказывается, неверные предположения. Вот так пого-

воришь с человеком — затем право имеешь себя похвалить: есть ценная добыча для нашего расследования!

Не то чтобы сильно радуюсь, но всё-таки... Заодно не пропускаю мимо ушей упоминание Курта о листьях, что дрожат в непогоду.

Бури в городке бывают заполошные: недалеко ведь он располагается вблизи морских ураганов. И что известно насчет бузины?

Не секрет для меня — в Германии любят это растение. Из вкусных, вполне тут съедобных ягод умеют приготавливать разные напитки. Как говорила моя мама, даже горячительные. Такие, что вовсе не похожи на сладкий ягодный морс. Тогда выходит: приключилась в замке буря. И был не вот вам простой бузиновый шум.

Ой, какой некогда приключился шторм — как раз вплоть до расстрела по причине мейсенского фарфора!

Уходил я от Курта с большой — не толстой, скорее тонкой, но огромной по размерам — книгой. Наверное, полметра на метр.

Она, очень большая и старая, массу всякого расскажет всем нам о фарфоровых чудесах. Выпросил её у смотрителя драгоценностей, чтобы никто не донимал меня вопросами. Те обязательно должны появиться, раз уж придется объяснять приятелям. Что объяснять?

Многое! В том числе — необходимо искать ещё один клад!

Иду с книгой, вспоминаю «комнату грёз» с картинами, фарфором, звездами на потолке. Чудо большого искусства стоит перед глазами — не желает напрочь пропадать.

КОМНАТА ГРЁЗ

Что было, то было: очень красивым показалось мне особое помещение, где у Курта лежала книга об удивительном камне — проще говоря, о красной глине.

Хранитель замка не поленился, посвятил равнодушного посетителя в тайну фарфора. В давние времена мейсенские поделки были просто обожжёнными. Затем красный камень перестал удовлетворять мастеров. И художни-

ки своего ремесла научились добавлять в сырую массу каолин. Тогда как раз появились изумительные зверюшки, фигурки по-прежнему глиняные, но картинно прелестные с этим шикарным хитрым каолином.

Теперь все они в наши дни почти что золотые.

В «комнате грёз» смотритель посвятил меня также в свою необыкновенную историю. Как он остался без руки? То-то и оно, приключилось с братом Анны-Лоры много всякого. До невозможности неожиданного, невероятно запутанного. Поначалу череда событий показалась далекой от сегодняшних городских тревог, но по мере того, как продолжалось путешествие по комнатам замка, беспокойство моё лишь нарастало.

Ташу, значит, воз всяческих соображений — ребята должны всё знать — и думаю: «До чего странная бывает капуста у заядлых собирателей фарфора!»

В мыслях возвращаюсь опять и опять к началу моего наблюдательного прохода по анфиладе нарядных помещений. В особой комнате коллекционера я оказался когда? Сразу после того, как попросил что-нибудь почитать насчет баронских зверушек. Проявить настойчивый интерес имел право. Теперь вот иду к ребятам с книгой. Должны мы знать, что дополнительно надо искать или не должны?

Небесные звёзды на потолке, драгоценная расписная посуда, шикарная книга и... барон со своими не очень сытными овощами. Признаюсь, капуста странным образом — больше, нежели пяток минут — маячила в моей голове. Мысли о ней напрочь не уходили. Они охотно вернулись, когда Курт повёл гостя по той части замка, где стены были напрочь голыми. Жилые помещения гляделись какими-то заброшенными. Если все они почти без мебели, то их унылый вид заставлял думать: бывший хозяин не заботился о здешних местах.

Послушно спешил я за смотрителем, удивлённо качал головой: усиленное питание впроголодь вымело, словно венником, всю приличную обстановку?

Конечно, вовсе не скудное питание тут вино-

вато — мейсенский фарфор, который имел огромную власть над коллекционером. Над его радостями, огорчениями. Над всем-всем — вплоть до обеденного рациона. Всё так, однако любимая комната барона... О ней капустно завязтый едок заботился изо всех сил. Настолько усердно, что иначе как заветным этот уголок замка не назовёшь.

Там он проводил долгие часы, любуясь своим редкостным фарфором.

Вспоминаю тощий чаёк с овощами, кручу головой. Что там ещё было, когда шагал следом за братом Анны-Лоры. Да, мы шли не спеша, разговаривали. И я вдруг заметил: уже стою на роскошном цветистом ковре. Кажется, мы с Куртом совершили здесь, в замке, ознакомительный круг. Теперь мои ноги по щиколотку утопали в мягком ворсе. Вернулись мы к музейному собранию. По правую руку от меня обрисовался ряд знакомых стульев в том самом стиле. В стиле барокко.

Рядом с ними наблюдался причудливый диван: его бархатисто-малиновая спинка изогнута, словно вопросительный знак, запросившийся на боковую. Этаким шикарным лежак для созерцания окружающих красот.

Теплынь и благоухание! Райское житье у дивана и стульев, которые явно не прочь уделить внимание появившимся персонам. Верится не верится, но мебель обещает посетителям, в том числе и мне, особый комфорт. Присесть или нет?

С утра неумоимо носило меня по городским улицам. Можно бы попробовать... И всё-таки лучше не надо. Зачем зря волновать хранителя здешних очень дорогих чудес? Белые гипсовые рамочки затейливыми завитушками окружают настенные светильники, сверкающие зеркала, проём двери. Толпятся изящные столики, едва не задевая друг друга серебряными локотками.

Мы вернулись туда, где меня одарили древней книгой с иллюстрациями. Разве мог догадаться, что «комната грёз» будет потом вспоминаться не раз?

Покинув замок, подхожу к Шёнбергу похвастаться книгой. Он говорит, рассматривая зверушек на страницах:

— Ишь ты! Постарались художники!

Ему понравились всяких видов слоны и носороги. Но самое большое впечатление произвели собаки. Некоторые прям-таки просились ему в помощники — заниматься охраной городских сооружений, а также вступать в схватки с подозрительными личностями. Созданиями, исключительно могучими, смотрелись породистые мастифы. Их морды были устрашающими. Будто прямиком из сказки Андерсена «Огниво».

— Будь у меня один такой пёс, чтоб с приличным чутьем и могучими лапами... Точно говорю: задержали бы налётчиков в двадцать четыре часа!

Соглашаюсь охотно: пасть льва у такого пса. Лапы — что ноги бегемота.

— Типичная средневековая собака, — уточняет Руди.

В голосе полицейского слышу нотки готовности: он тут настроен доброжелательно и не против вести обстоятельную беседу. Тогда выкладываю Шёнбергу то, что узнал от Курта:

— Кажется, прежний хозяин замка не раз был под прицелом у нацистов.

— У него имелась коллекция. Такая, что на загляденье.

— Грабили его усиленно. Или ошибаюсь?

Руди согласен: однажды коллекционер чуть не попал в гестапо. Тогда в городе хватили тех, кто был недоволен Берлином. Он где-то высказался, назвал главного фашиста человеком, мало понимающим в настоящем искусстве. Вот местный вождь и решил поуменшить фарфоровое богатство барона.

— Прихватил для себя кое-что?

— Спасло собирателя то, что вступились за него истинные знатоки мейсенского искусства. Однако в конце войны, когда гитлеровцы побежали кто куда, опять был наезд на замок.

Соображаю себе потихоньку: «Ишь, мастера пожаловать неожиданно! Не они ли сейчас шастают по городку? Налетели на аптеку, чтобы непременно прихватить кое-что у Ротфельса. То самое, что было нужно их предводителю. Ничего подходящего не нашли, но устроили погром по всем фашистским правилам. К тому же им не мешает искать... Эх, если б знать побольше о местных кладах!»

Вот так дело обстояло. Стою рядом с Шёнбергом. И мы с ним перебрасываемся замечаниями.

Почему полицейский не отправил посетителя замка домой? Скорее всего, скучно было одному стоять здесь. Можно кое о чём поговорить со знакомым. К тому же собеседник более или менее информированный. Разве не так?

Опытный Шёнберг наверняка прочитал на моем лице мало скрываемую досаду. И одновременно — гордость. Что, мне после путешествия таиться? Всё же порадовал результат здешнего расследования. Именно Валерию Ладейнину повезло догадаться о новом кладе. А это было вовсе не очень просто.

Вагон теперь требуется!

И как раз такой, который всегда требуется, когда у тебя огромная куча ничуть не глупых умозаключений. Успехи, как говорится, налицо. Но я в праздничную трубу не трубил. В радостный барабан не бил. Необходимо ещё нам, всей озабоченной четверкой, покумекать.

Книга, что несу друзьям по городку, тем временем поуютней устраивается в ладонях Шёнберга. Он совсем не торопится выпускать её из рук. Что внимательно там рассматривает? Нетрудно сообразить. Руди, на этой странице тебе нравится шикарный тигр!

Подобные «милые» существа не водятся в Германии. Да и в России познакомиться с ними далеко не просто. Наверное, каждому немцу интересно полюбоваться не столько привычным ушлым зайчиком, сколько... солидно крупной кошкой с могучими когтями.

Приглядываюсь — нет, фарфоровый тигр лишь отдалённо похож на хищника. Скорее напоминает упитанного бургера. Распевающего песни после доброй кружки пива. Одно подмигивание косящим левым глазом многого стоит! А улыбка от уха до уха? Она, по-моему, вполне привлекательна.

Морда сильного и, на мой взгляд, вполне добродушного зверя тоже по душе Шёнбергу, и тот с интересом принимается листать страницы одну за другой дальше. Порыв налетевшего ветра доносит с лужайки запах свежескошенной травы. И заодно мелодичный тонкий перезвон медно-проволочных снастей знакомого кораблика.

Пока полицейский разглядывает иллюстрации, делаю крутой разворот к завлекательному паруснику, сам себе говорю: «Вот ещё одна интересная вещь. Приятно и смотреть, и слушать».

И с чего бы Валерию Ладейнину вдруг втюриться в медно-парусное судно? Не дано мне враз понять. Даже много позднее, когда вспоминал всё происшедшее, не мог разобраться, что за радость мне снова и снова мысленно встречать плывущий над зелёной травой маленький бриг.

...Но сейчас, когда я уже дома, в России, и когда вспоминается мне Германия... вижу не только послевоенные развалины. Ведь был там и звонкий изящный кораблик. Говорящий о загадочных бурливых морях. О тех почти бескрайних водах, что окружают чудесную землю Европы с юга, запада, севера...

Однако не стоит отвлекаться. Должен сообщить, что мой знакомый, полистав книгу, внезапно закричал:

— Гляньте! Мне уже довелось видеть длинного леопарда.

Оказывается, у полицейского была своя памятная встреча. Во время обыска у сестры местного фюрера Шёнберг взял зверюшку с полки. Что сделал с фарфоровой фигуркой? Пихнул в сумку, полагая: тут обычная безделушка. Хоть и совершенно малоинтересная, однако место ей пока что в полиции.

Теперь он видит леопарда в книге.

Удивляется? Конечно.

Говорит, покачивая головой:

— Вот так штука! Ранний период мейсенского искусства. Ведь это сколько лет? Сколько всяких исторических десятилетий прошло!

— Чересчур много?

— Пока белая фигурка не попала в полицию? Настолько много, что сразу не сосчитаешь.

Однако мне пора уходить, нести замечательную книгу домой.

Иду вполне довольный. Надо признаться, не до конца прояснил себе, что мне уже дано знать... гораздо больше того... больше того, о чем имею справедливо твердое понимание.

Проходит ночь, в которой хватает небесных

звезд «комнаты грез» в неотвязных сновидениях. Наступает следующий день. Вся дружная четверка сходится в саду за домом.

Сидим на лавочке поблизости от крыжовника, где мне и Самопалову повезло с кладоискательством. Книгу полистали. Ни о чём тайном покамест нам не говорит она.

— Сестра фабриканта! Не иначе сварливая фрау бегала с лекарством на аэродром! — твёрдо заявляет Колян, приглаживая ёжик. Тот самый, новый. Короткий. Новоиспечённый, словно какой-нибудь вам пирожок с капустой.

Мы настороженно устались на бывшего армейца. Что предлагает решительный товарищ? А он рубит рукой, словно саблей. Затем с горячностью восклицает:

— А там ведь рядом их владения!

— Какие владения? — Костику необходимы разъяснения. Любознательному «парижанину» никак невозможно без дополнительных, донельзя полезных уточнений.

Младшему Суранову представляется необходимым, чтобы здесь торжествовала объективная реалистичность, и он прав, понимает. Высказываете классную мысль? Хорошо, но будьте добры сделать её понятной всем присутствующим без исключения.

Самопалов трёт непокорный ёжик, вспотевший от горячих мыслей:

— Фабрика! Подумайте, неспроста местный фюрер не пожелал прятаться где-нибудь в стороне!

Однако соображение дальше не развивает. Дескать, компания пусть сама теперь шевелит мозгами, если у меня ошибки нет ни на каплю.

— Не пожелали фашистские богатеи убраться из города, — принимается размышлять Костик. — Не спорю, их поведение понятно. Не было им резона удаляться от кладов очень уж далеко.

Анна-Лора в озабоченности морщит лоб, в свою очередь подсказывает:

— У нас имеется пригласительный билет. Можно будет походить также по заводу, где уже закончен ремонт. Вдруг узнаем что-нибудь интересное.

— Навешали мы угольный подвал. Невредно глянуть и на готовые брикеты, и на цеховые

механизмы. Возможно и то, что рабочие уже раскопали новый клад, — замечает основательно призадумавшийся Костик.

Ему не с руки отставлять в сторону повадку свою — как раз не пустяшную, а всегда удивительно разумную. Его неожиданные высказывания постоянно оказываются исключительно нужными. Вздохнув, парень ставит солидную точку всем долгим размышлениям:

— До сих пор толком никто не знает. О чём? О кладе родственничков-нацистов, которым жалко расставаться с драгоценным фарфором!

Мне вступать с ним в спор? Нет никакой нужды! И тут, что называется, ни убавить ни прибавить.

— Послушайте! — внезапно высказывается Колян. — Билет у меня, и я отправляюсь на фабрику. Ремонт цеха закончен, оборудование установлено. Придёт завтра много всяких гостей. Так что проведу разведку внимательно, по-тихому, незаметно. Чем плохо всем нам?

Ребята высказались полностью, со всей своей всегдашней, очень обязательной готовностью. На эту минуту дружная четвёрка задумчиво смотрит в глубь сада, где никого нет по утреннему часу. Истинно, что клады там основательно раскопаны. Нет большого смысла искать новых захоронений.

Стоит упорно глухое молчание.

«Нет, — думаю, — погодите! Я знаю, как брат Анны-Лоры остался без руки. Но точно: Колян и Костику во всех подробностях о давнем происшествии неизвестно. Это непорядок, потому что иное заведено у нас — никто не молчит о делах нацистов».

Держать язык за зубами я не желал, так и получилось: ребятам стала известна история Курта в деталях. Они были вовсе не лишними, а потом — ничего странного здесь не ввёртываю! — вдруг взяли, разом объявились, открыли нам глаза.

Смотритель замка что мне сказал? Если искусство не прославляло победительную силу и могучую воинственность, фашисты считали его излишним. Чем-то вроде проявления слабости.

Но разве мейсенский фарфор к битвам призывал? Тамошние тигры и те не звали на войну — приглашали повеселиться.

Спорить с лавочником — наглым хапугой, ярым поклонником Гитлера — себе дороже, когда-то понял барон. Лишь началась война, сразу постарался очутиться подальше от городка. Двинулся на север служить. Не то чтобы укрылся на острове Рюген, но... Во всяком случае хотел, чтобы хапуги не достали его. Любитель парусников всё-таки был персоной не совсем обычной, и морскому офицеру начальство разрешило иметь денщика. Курт согласился быть сопровождающим.

Брат Анны-Лоры остерегался давать советы владельцу замка. Предпочитал помалкивать. А если помочь по хозяйству, то выполнял свои обязанности по всей форме. Не отлынивал — заботился о коллекционере честно.

Потом его старания были вознаграждены. Не деньгами, конечно: барон — капуста его приучила или зверюшки старинных мастеров? — чуть ли не по грошику откладывал на дальнейшую жизнь в кругу своих драгоценных зверюшек.

В доподлинности что хорошего могло быть в дальнейшем?

Фашистская верхушка к тому времени уже начала разбегаться. Пошли явные и тайные заговоры, на фронтах поражения валили валом. Стало известно, что погибла одна из богатейших коллекций фарфора. В самой сердёвке страны стоял интересный Японский дворец с превосходными поделками из белой глины — так вот однажды тот просто исчез в огне бомбёжки.

Понятно, фанатичный собиратель фарфора не мог не переживать. Великолепного дворца было жалко ему очень, заодно тревожился за своё владение. Замок уцелел, исправно стоит в городке и сегодня. А честному денщику какое вознаграждение приключилось? Война диктовала череду событий. Культурного хозяина мейсенских сервизов смогла достать отчаянная круговерть, в которой тряслись от страха островные вояки. Север Германии вовсе не был особо тихим местечком. Этот Рюген ведь не корабль. Никуда уплыть ему не удалось. Узнать огонь, взрывы — нет, стороной они его не обошли.

Любитель парусников боялся бомбардировок? Поначалу остерегался, однако затем, в

последние дни войны, — стал наплевательски относиться к сохранению своей жизни.

Курт рассказал, что приходилось даже удерживать его от безрассудных поступков. Наверное, смотритель нынешних сокровищ замка правильно делал: всё-таки морской офицер не уважал фашистов. И почему в таком случае не посочувствовать отчаявшемуся человеку?

Однажды, спасая барона, Курт не уберёг себя. Осколком раздробило ему предплечье. Как раз тогда, когда упирающегося коллекционера — тот вдруг решил ждать смерти — ташил в бомбоубежище.

Вот, значит, выбежали они из дома на улицу. Бомбы летят и летят. Взрывы, свистят осколки, из окон кирпичных строений валит дым. Мостовая ходит ходуном.

И здесь — взрывная волна! Одного она швыряет далеко в сторону. Другого подбрасывает вверх, угощает куском железа.

Раненый денщик попадает в лазарет.

То, что случилось дальше, Курт вспоминал не то чтобы с печалью, а...

— Врач обнаружил, рана серьёзная. Лечить отказался.

Мне было непонятно:

— Доктор — и отказался?

— Не забывай. То был фашист.

— Разве это меняет что-то в лечении раненых?

— Выходит, что ненужным я стал.

ВЫСТРЕЛЫ В НОЧИ

Рассказываю всё Коляну и Костику. Однако до них тоже не враз доходит логика нацистских врачей. Переспрашивают, задают вопросы.

Никуда не денешься — давай, Валерий Ладейнин, объясняй им в усердных подробностях историю честного камердинера, ставшего на войне верным денщиком у моряка.

Случилось то — Курту перестали делать перевязки. Барон пошёл к врачу. Поинтересовался: что в таком случае доктора собираются предпринять? Если не хватает лекарств, можно принести кое-что из личных, некогда предусмотрительно припасённых.

Ответ был донельзя странный:

— Я не намерен что-либо делать.

Если слова лечащего доктора прозвучали странно, то вопрос морского офицера, денщик которого медленно умирал, был достаточно резонным:

— Почему?

Доктор показал себя в полном гитлеровском блеске:

— Германии солдаты нужны, а не однорукие инвалиды. Господин барон должен иметь в виду обстоятельство. Чтобы парень меньше мучился, дам вам кое-что.

И последовало разъяснение: сейчас имеете возможность сами предложить ему стакан воды с ядом. Дескать, хирургическая операция излишней окажется, но всякой отравы как раз предостаточно. Можно выбрать любое средство здесь, в стеклянном шкафу.

Что сделал коллекционер? Тот самый офицер, денщик которого совершил благородный поступок.

Тут психология несложная. Очевидная же вещь: человек сделал то самое, что от него требовалось, а врачебной помощи у фашистов не нашёл. У них нашлись такие предписания, чтобы не вдаряться в особо гуманные долгие размышления. Моряк, любитель красивых парусников, не рассердился, как видно из происшедшего, не смог. Огромной силой, исключительной боевитостью вроде не отличался, но врезал доктору незамедлительно.

Из объяснений теперешнего зрителя сокровищ выходило: до предела обеспокоенный, несчастный хозяин замка в те дни, после исчезающих в огне старинных коллекций, мечтал — не иначе! — дать по морде любой фашистской заразе. Просто не подворачивался подходящий случай.

А тут на тебе — благоразумный врач! Благоразумный на свой, полностью бесчестный, гитлеровский манер!

Колян крутит головой, сомневается: чтобы этот капустный хилак да полез в драку? Приходится дополнительно объяснять:

— Врач бултыхается в стеклянном шкафу. Среди своих ядов. Тогда что предпринимает разозлившийся морской офицер? Бежит в палату к денщику.

— Хирургическую операцию делать? — мой дружок упрямится, хмыкает. Историю воспринимать всерьёз ни малейшего нет желания. Бывшему армейцу в меткий удар коллекционера, в целенаправленную беготню по госпиталю верится не очень, скорее — совсем не верится.

Младший Суранов старается не сводить боевитое событие к баронскому рациону питания: капустой, мол, он увлеклся только раньше! сил на островном камбузе поднабрался! и вот поставил доктора на место, побежал, чтобы дать Курту совет!

Детальный разбор ситуации? Правильно Костик поступает. Потому что случился там истинно спасительный разговор.

Мне подсказывать что? Лишь подтвердить могу:

— Да, совет был от моряка. Барон сказал денщику, чтобы тот немедленно уходил из лазарета. Всё равно лечения никакого не дожидаться.

— Гляди ты! — Самопалов удивился. Подумав, решил согласиться: — Ишь, поворот какой! Собиратель фарфора, он культурный человек, поэтому думал не только о своих зверушках.

Мудрый Змей — вдумчивый Костик мнением уточняющим поделился: когда правильно используешь носовой платок — это, разумеется, хорошо. Всегда поощряется культурное поведение. Но если один старается другого избавить от бесчестной смерти, поступок подобный выглядит гуманным, со всех сторон справедливим. И человечество признает гуманизм как высшую ценность в общественных отношениях. Именно так высказался наш реалист! Не сходя с места, зауважали младшего Суранова с его дотошливостью сильнее прежнего, и как по команде мы дружно подтвердили: брат Анны-Лоры — честный человек. В госпитале полагалось лечить его без обмана. Я незамедлительно прояснил: морской офицер помог, и Курт через открытое окно выбрался на улицу. Поняв, что происходит, остальные раненые отправились на свободу следом за ним.

Спаситель поторапливал их, крепко держа дверь. Не желал он, чтобы в палату вломились санитары вместе с доктором-убийцей. Они ведь обязательно захотят помешать избавлению людей от ядовитого лечения.

На улице Курт потерял сознание, товарищи по несчастью тащили его на руках. Очнулся много позже. После того, как остров Рюген был освобожден от фашистов и солдату сделали операцию. Хирургам не удалось спасти руку, но беглецу жизнь сохранили.

С любителем парусников, который проявил себя не вот вам хиляком, произошло другое. Перед тем как отключиться, брат Анны-Лоры слышал, что в палате началась перестрелка. Скорее всего, морской офицер не успел скрыться вместе с ранеными. Он открыл огонь по всем этим преступникам. Палил через дверь и ответным огнём...

— Всё правильно! — заявил Колян. — В городке знают, что коллекционера убили на острове Рюген.

Для нашей четверки ситуация прояснялась всё больше. Однако неожиданности на улицах продолжались. И мы вскоре начали понимать: ой-ёй-ёй, не всё было просто. Хоть с аптекой, хоть с лимузином, неожиданно быстрым и очень решительным.

Через несколько часов, вечером, наскоро поужинав, отправляюсь отдыхать. Засыпаю мгновенно. Вскоре просыпаюсь. Медленно, с трудом. Разбудили меня выстрелы за окном. Что такое?

Покачиваясь, брожу в темноте по комнате. Натыкаюсь на стену. Внезапно понимаю, что стою у стекла, за ним — серый сумрак. Он медведем ворочается в саду, стонет от холодного мглистого тумана.

А может, сам издаю недовольные звуки? Каждый плохо выспавшийся человек имеет право возражать против того, чтобы вытаскивали его из уютной кровати. Стреляли за окном, не стреляли. Всякое в сновидениях бывает. Вроде бы там, за деревьями, вовсе не слишком шумно.

В голове бродят мысли, но в доподлинности о чём?

«Не спишь, стоишь тут полуслепой. В саду скорее всего никого нет. Мокрый ползучий туман, он есть всё ж таки воздушно-водяная взвесь, липнувший к стеклам туман. Ни больше ни меньше. Допустим, где-то кто-то громко чихает за стеной. Возникает — кашляет как из

пушки. Всем, в том числе и мне, зачем волноваться? Не надо тебе паниковать, младший Ладейнин, туда лучше отправляться, откуда пришёл. В постель».

Раздались выстрелы: бах! бах!

На окраине жажнули не из пушки. Из парабеллума — это уж точнее точного.

Стекло покрыто скользкой пылью, похожей на изморось. Поэтому кажется, что белесая рожка за окном подмигивает огромным водянистым бельмом. Поздний вечер? Раннее утро? Возьми и догадайся.

Размышлять о точных часовых стрелках нет желания. Все возникшие соображения перебиваются новыми звуками:

— Так-так! Так-так!

Момент устрашающий. Не захочешь — отойдёшь от подоконника. Там, в городке, автоматные очереди отвечают громким выстрелам маузера. Понимание пришло запоздалое. От него спине становится холодно.

Сам себе объясняю: «Ничего не поделаешь. Пальба на улице идёт. Но ведь она где? На окраине. Достаточно далеко, и нечего тебе здесь пятиться!» Плотнее заворачиваюсь в одеяло, подхожу к окну, что заметно больше и выходит к соседнему дому. Кажется, тише стало.

Тут — бабах! Непонятное что-то жажнуло.

Надо всё-таки решаться: шлёпаю босыми ногами по коридору, направляюсь... Куда?.. В дальнюю папину комнату. Если Валерий Гаврилович Ладейнин, спец по танкам, спит, не мешает его разбудить.

Не то чтобы его сын перепугался напрочь, но — из песни слова не выкинешь — всерьёз подумал: может, в части не подняли ещё тревогу? Тогда папа должен встать. Пусть солдаты окажут помощь комендантскому патрулю.

Наверняка не игрушки в том дальнем далеке — схватка с бандитами.

Окна комнаты, куда пришлёпал, выходят на ту сторону дома, где сейчас царит глухое беззвучие. Выстрелов не слышно. Сплошная для усталого сна благодать. Никакой подполковнику тревоги. Откуда взяться беспокойству, если папу никто пока что не пытается оповестить о происшествии? Телефон, предположим, потарахтел бы. Но его у нас, по существу, нет.

Аппарат недавно установили, только ведь не работает линия. Не всё полезное восстановили в городе, и слишком много ещё развалин.

Имеется кое-что другое: исправный звонок над входной дверью. Он бы не заленился, потренькал — заявись к нам посыльный из части. Однако не прибежал никто. Поэтому, Валерий Ладейнин, самолично давай: старайся поднять военных, если поспешил проснуться.

Можно и самолично тревогу объявить. Однако меня смущает полнейшая тишина. Идут минуты, и нового ни звука на улицах. Так повернулось, что не поймёшь: стреляли всё же или нет? Не паникуют ли в уголке города, до невозможности спокойном уголке, некоторые лунатики? Наваливается на меня сомнение, от которого пылают хоть виски, хоть взмокшая макушка.

Тревожный жар проходить не проходит — лишь усиливается! — и мне хочется послушать белесый туман снова.

Разворачиваюсь, иду назад, чтобы постоять у себя возле окна.

Что слышится там, за холодным стеклом? Хоть стой, хоть падай, но в саду крепко спят и деревья, и кусты — усердно висит отчаянно глухое безмолвие.

Что они в туманной дали, заснули громкие автоматчики? Или по квартире действительно бродит лунатик, которому позарез желается разбудить всё население спокойного жилища?

Присаживаюсь на край своей кровати. Смотрю на спящую поодаль сестрёнку.

Совсем не хочется поднимать переполох. Знаю ведь, не маленький: у ночного страха глаза велики. Допустим, кошки носятся, громят на железной крыше дровяного сарая. И что я делаю? Поздним часом иду к папе, начинаю толковать про стрельбу. Спросонья промахнуться — ничего не стоит, будь хоть сотню раз никакой не лунатик.

Впопыхах промахнёшься, а та же самая бойкая Машка станет весь долгий день хихикать. Ладно, когда немного посмеётся над братом. Если тот заслужил укоризну от младшего члена семейства.

Только... немного у неё вряд ли получится. Кроме всего прочего, она обязательно увидит Анну-Лору и наговорит всякого с три объёмис-

тых короба. Доказывай потом, что проявил нормальное чувство ответственности.

Усердствуй сколько влезет. Всё равно без смеха родных, нет, дня три-четыре не обойдётся.

Кому понравится подобная ситуация? Выглядеть в глазах Анны-Лоры паникёром и слабаком тоже не лучший вариант. Пусть иному соседу девочки это без разницы, но мне... Позор и больше ничего!

Сижу. Во лбу ощущается чугунная тяжесть.

Закрывать глаза на происшествие не отказался бы, да теперь сна ни в одном глазу. Маюсь, словно подхватил неведомую болезнь. Гляжу на окно. Ожидаю, что дальше будет.

Кошки, не кошки. Хотя сам люблю неожиданно пошутить, чувствую — поспешает, мчит-ся, в ночном грохотанье напрочь улетучивается... чувство юмора.

В конце концов, лунатик он тогда лунатик, когда не понимает, что он глупо чудит. А мне всё насчёт себя ясно. Понятно так хорошо, что дальше некуда — честное слово, очень неудобно быть лунатиком, если ты не желаешь тут бестолково бродить. Тем временем секунды идут. Тихий туман в саду растворяется, исчезает. Ко мне приходит нормальное, никакое не странное чувство голода. Иду на кухню, делаю себе бутерброд.

Перекусив, возвращаюсь назад. И уже не знаю, чего мне здесь, у мокрого стекла, ждать. Просто сижу на кровати, раз не хочется дремать, и вспоминаю свой недавний сон.

Было вот что. Я плыл на корабле. Никаких не видел кошек.

На всех парусах судно шло по Волге. Широкий поток вбирал в себя ручейки, маленькие речки, он становился и шире, и красивей. По берегу тянулись, расступались высокие сосняки — манили домой, к бабушке в деревню — в глубь России. Гудели снасти, поскрипывал корпус парусника. Мой корабль горлицей перелетел через неширокую смирную отмель. Опустился где? Посреди просторного плёса. Там, на травяном откосе, стояли большие дома, словно вырубленные из янтаря. Деревья, положив на их крыши свои тонкие руки-ветки, смотрели на путешественника, прибывшего по сияюще чистой утренней воде из дальних краёв.

Потираю затылок, с мыслями собираюсь: отчего не поглядеть им на гостя? Только что он может рассказать в деревне, когда в городке, откуда явился, много всякого, слишком непонятного?

Вот если б удалось мне слетать быстренько в Россию да попить воды из родника, что в деревне у бабушки... Живая там вода или какая, но уж наверняка соображалось бы теперь куда лучше!

Чёткую автоматную очередь услышал, когда решил продолжать сновидения в своей остывшей постели. Настоящая пальба! Мешкать нельзя. Бегу к папе:

— Скорей! Надо просыпаться!

Тот поднимает голову:

— Что такое? Подъём?

С пятого на десятое объясняю, что за городом, а может, и ближе, на окраине, отчаянно бьёт автомат.

Подполковника выстрелы не удивляют. Стрелять могли в процессе обучения. Для того в поле за танковой частью поставлены мишени, чтобы в них пуляли молодые солдаты, учась владеть личным оружием.

Не с руки мне отступать. Потому что кое-кому на военном полигоне бывать не раз приходилось. Старательно шепчу:

— В какой стороне можно бить по мишеням? Там как раз глухо. А где самолётный ангар? Такое грохотанье!

— Ангар? — недовольно говорит папа. — Известие плохое. Опять этот аэродром!

Короче, команда солдат отправилась туда, где ещё недавно пытался отсидеться местный фюрер. Найти в бункере никого не удалось. Но тамошние развалины были прочёсаны ещё раз. Бандиты — скорее всего они! — устроили в тех краях ночное выяснение отношений. А затем как сквозь землю провалились. У них была, не иначе, какая-то машина.

Она помогла им улизнуть из города. Или зайти где-нибудь. Мало разве брошенных, полуразрушенных домов на окраинах?!

Валерий Гаврилович Ладейнин домой пришёл, когда стало заметно светать. Насколько помню, часов в пять утра. В прихожей снял свой офицерский ремень. Подмигнув, протя-

нул его мне и сел на низкую скамеечку, под которой стояла у нас обувь. Стянув сапоги, он прислонился к стене, сказал:

— Пусть ноги отдохнут. Командир собирает нас через три часа. Посижу немного. Потом позавтракаем — и нужно мне отправляться куда приказано.

СПУСТЯ ТРИ ЧАСА

Папа ушёл на службу. Мама помогала одеваться проснувшейся малышке. Я решил навестить младшего Суранова. Лестница, от каменных ступенек которой несло утренним холодом, повела меня вверх. На третий этаж, где временно разместились семья новоприбывших.

Хотя не выспался, шагал энергично, поднимался быстро. Не то чтобы очень громко пыхтел, но сандалии шлёпали звучно.

Флора Сергеевна, услышав мои громкозвучные призывы Костику, приоткрыла дверь и сказала:

— Он выйдет через пятнадцать минут. В комнате ещё не все вещи разобраны, у нас тесно. Подожди его, он спустится к тебе во двор. Хорошо?

— Ладно. Жду на лавочке в саду.

Машка могла со мной увязаться погулять, поэтому постарался быстрее прошмыгнуть мимо собственной двери.

У подъезда вижу всем нам известную «Симку». На месте водителя — Виктор Семаков. Не поговорить с ним? Чего нельзя, того никак нельзя: с какой стати пригнал к дому старенькую машину, когда ей место вовсе не здесь?

Виктору заняться нечем? Лучше бы сходил на свалку. Да поискал там другие крылья для «Симки». Вдруг помчится куда быстро, так ведь им отвалиться — пара пустяков. Сам жаловался, что запасные части в городке не достать. Правильно: с новыми сплошная задача, однако за полигоном, в ямиче, заброшенной давным-давно, автомобильного лома предостаточно.

Предлагаю Семакову совместный поход.

Все-таки заполошное дребезжанье старых железок не самая лучшая музыка. Даже для таких вовсе не привередливых пассажиров, как мы с Костиком.

Моё предложение не лишено смысла. Раньше за городом был карьер, где добывали бурый уголь. Экскаваторы черпали его прямо с поверхности земли. Их ковши прогрызли сбоку холма огромную ложбину. Что с тем добром делали? Возили на фабрику. Прессовали там из угля и торфа брикеты. В конце войны вся работа у холма прекратилась.

Теперь в ту часть ложбины, где выбирали бурое топливо, свозят развалившиеся легковушки, мусор со всех улиц. Почище стало в городке, а горы всякого барахла в карьере подрастают день за днём. И чего только там нынче не найдешь?!

Про тамошние залежи стального лома нам с Коляном хорошо известно. Видели хоть ржавые сетки от кроватей, хоть покореженные остовы механизмов, отработавших своё. Некоторые горожане ходят на свалку, как в магазин подержанных вещей. Какой-нибудь слесарь всегда отыщет в больших кучах неплохую деталь, которую нелишне с умом использовать.

— Заглянуть в карьер? Можно, — соглашается Семаков. — Но это попозже.

Чувствуется, некоторые обстоятельства он скрывает от меня.

— А сейчас тебе нужно тут? Сидеть в автомобиле? Ой, Виктор! Только не рассказывай мне сказки. Насчёт того, что надо поехать с моей мамой куда-нибудь. Например, в город Галле. Проведать жену папиного подчиненного. Лучше не начинай этого разговора. Ты, вижу, торопился, бросил на соседнее сиденье тряпку, которой протирал ветровое стекло. Мама в дороге не собирается. Значит, всё по-прежнему, и не разрешают вам ехать.

Нет у шофера желания выслушивать догадки, морщится: в больницу ехать нельзя! В другую воинскую часть — вполне возможное дело!

— Слушай, про самолётный ангар кто папе сказал? Раз кое-кто здесь в курсе дела, тогда кое-кто имеет право...

— И какое право имеет он?

— Такое. Чтоб ты не темнил.

Не думаю, что Виктор очень уж охотно про-

должил нашу беседу. Но случилось так: я не получил от ворот поворот.

Подумав немного, Семаков согласился кое-что мне открыть. Оказывается, он привёз сюда подполковника Ладейнина и офицера из комендатуры. Они сейчас наверху. В той комнате, где ночью удалось различить выстрелы на аэродроме.

Ординарец озабоченно покачал головой:

— Ночью разве различишь в точности?

Опять начинаю толковать про ангар. Виктор скептически хмыкает:

— Следов там поблизости не нашли. А должны найти хотя бы гильзы. Поэтому сейчас команда солдатская постреляет в воздух возле бункера. Здесь же будет такая ситуация. Офицеры постоят у окна. Постараются определить, насколько далеко от аэродрома была стрельба.

У меня, что называется, вагон вопросов: как же они узнают?

— Очень просто, — водитель снимает руку с баранки руля и, покинув кабину, деловито ходит вокруг легковушки, постукивает сапогом по шинам. — Подполковник возьмёт и послушает что да как. Небось, запомнил, в какой стороне ночью палили.

— Ты не бойся, Виктор. Наверняка он запомнил всё как полагается.

— На улице только не болтай об этих делах. А так... чего мне бояться?

Не успели мы поговорить насчёт бункера: вышли папа и знакомый мне дежурный офицер из комендатуры. Они сели, ни слова не говоря, в машину.

Ординарцу — немедленное указание:

— Поехали, Семаков, за город. Проверим выводы.

Ситуация с окном немного прояснилась? Выходит, что именно так.

Семаков заводит мотор.

Из подъезда появляется Костик. Мы с ним смотрим, как «Симка» пускает клуб сизого дыма и медленно трогается с места. Шофёр верен себе. Как говорится, не рвёт покрышки, а вполне уважительно и даже осторожно отправляет старенькую машину как раз туда — на загородное шоссе. Она постепенно увеличивает скорость.

Быстрый вираж. И легковушка уносит пассажиров на службу, не терпящую никаких отлагательств.

Всё ясно. Сейчас офицеры проверят выводы. Потом командир части поставит перед подчинёнными новую задачу. В обязательности всяким тёмным личностям городка будет несладко. Я с понятной завистью провожаю «Симку» взглядом: совсем не против был бы очутиться вдруг в кабине.

Сильно попереживать мне Костик не позволил: у него оказалось солидное боевое настроение.

Откуда оно взялось? Он уже прослышал про ночные события. Встревожен был или не очень, однако голова у младшего Суранова работала заведенным порядком. То есть так, как полагалось дотошным ребятам из степного Парижа.

Пока завтракал, младший Суранов успел продумать программу наших дальнейших действий. Недаром у него за плечами красовался зелёный брезентовый мешок, который имел вполне увесистое название — солдатский сидор. В нём топорщились острыми углами все необходимые вещи. Какие?

Вот именно: какие? Невозможно было для меня как раз то — не сунуть нос в сидор, не полюбопытствовать, что почем и почему мой приятель нагружился, словно выючное животное.

Сверху в мешке лежала книжка. Она была завернута в газету. В разрыве обёртки виднелся коричневый корешок.

Насколько понимаю, читать художественную литературу и даже справочники лучше всего дома. Сидя за столом или на диване. Но уж никак не годится, ни в какие ворота не лезет безмятежное чтение на митинге по случаю пуска фабрики.

Щёлкаю по твёрдой обложке:

- Интересная книга?
- Сказки Пушкина.

Смолчать просто-таки никак невозможно: парень до невозможности любит классику?

— Уважаю Пушкина, — объясняет тот. — Пришло в голову взять томик для Анны-Лоры.

Ну, Костик! Это ведь я пообещал девочке

подарок. Теперь, значит, высказывает приятель и перебегает мне дорожку?

Откашливаюсь. Высказываю мнение:

— Если забыл прихватить с собой «Капитанскую дочку»... Хочешь опередить, да?

— Ты здесь ни при чём, — заявляет Костик. — Дари что пожелаешь. Я несу волшебные сказки. Разве нет у меня права?

Кашель у спорщика проходит: ладно, тащи свою книжку!

А тут что ещё за штука? Вытаскиваю из сидора нечто похожее на перископ подводной лодки. Загогулина — под цвет зелёной морской волны. Нет, что же здесь такое? Длинная труба с заглушкой на одном конце. На другом — изогнутом — блестит стеклышко.

Гляжу через стекло внутрь и вижу на донце круглой ямочки обычную маленькую лампочку. И вдруг до меня доходит: передо мной фонарик! Только чудной какой-то, раньше таких не видел.

Где Костик достал занятную штуку?

Тот охотно поясняет:

— Папа дал. Трофейная вещь, соображаешь?

Собирались вроде бы идти на митинг. По случаю пуска фабрики. Но время ещё, как говорится, терпит. Поэтому вовсе не считаю, что рассказ младшего Суранова о перископе нарочью лишней.

Подводной лодки пусть не оказалось, однако... военную Германию тут не позабудешь. Ни под каким соусом.

Это был фонарь, и он имел свою особую историю. Когда в Польше прорывалась из кольца на запад немецкая дивизия, то шла она по лесам. Во всяком случае очень старалась. Уходила, оставляя позади вначале свое тяжелое вооружение, а потом легкое. Без винтовок двигаться намного легче. Однако пехотинцам не удалось уйти далеко. С востока шли и шли танки, догоняя и отбрасывая отступающих в леса и болота.

В конце концов, сдались в плен и солдаты Вермахта, и офицеры.

— По их следам специальная трофейная команда ходила целый месяц. Собирала оружие, которое нельзя оставлять без присмотра. С ним у команды мороки хватало. А местные селяне потихоньку собирали по лесам брошен-

ные вещи, — подмигивает мне «парижанин». — Соображаешь?

Соглашаюсь, киваю: ясное дело, в крестьянском хозяйстве кое-что всегда пригодится! О чём должен говорить, когда возражать нет смысла?

— Вот едет мой папа на танке, — продолжает Костик. — Останавливает его старый обитатель маленького поселения. И что с готовностью делает?

Догадываюсь быстро:

— Дарит этот шикарный офицерский фонарик.

С доброжелательной улыбкой идет пояснение: надежная вещь, чтобы фашистов хорошо видеть. Даже ночью. Будьте внимательны, круглыми сутками смотрите лучше, быстрые танкисты! Не давайте гитлеровцам спуска!

Поскольку надо мне соображать, старательно шевелю мозгами. Не иначе Иван Гурьевич трофейной вещью цвета морской волны попользовался, а потом отдал реалистичному сыну.

Тут младший Суранов неожиданно говорит:

— Я подарил тебе парашют?

— Подарил.

— Сказки Пушкина — для сестры Курта, а фонарь отдам Колян. Ему ведь тоже что-нибудь неплохо бы подарить. Чтобы по справедливости всё было. Верно?

Такой он, наш новый приятель.

Костик — хороший товарищ. Надёжный и справедливый. Мне и раньше не приходилось в этом сомневаться. Не сомневаюсь теперь в миллион раз сильнее.

Бегом поднимаюсь на свой второй этаж, чтобы взять «Капитанскую дочку». Затем с Костиком припускаемся к Анне-Лоре. Она поджидала нас. Увидев из окна гостей, вышла на крыльцо. Двойной подарок приятно удивил её, она отнесла книжки домой. Те откочевали на этажерку с учебниками.

После чего мы уже втроём помчались к храбрецу Колян, которому если не перископ подводной лодки, то сильный дальнобойный фонарь в любом случае станет нелишним.

Вот бежим, и я продолжаю соображать: «А что там, на дне сидора, ещё лежит? Не успел посмотреть, а ведь наверняка тоже кое-что интересное».

Выясняю.

Оказывается, на дне мешка в бумажном пакете полёживают четыре куска хлеба с привезённой из степи копчёной колбасой. Вчерашняя беготня по городу, которая продолжалась с утра до вечера, научила нашего сильно вдумчивого приятеля высоко ценить бутерброды. Да, это исключительно ценное изобретение. Особенно, когда надо перекусить, что называется, наспех, на ходу. Парень мне разъясняет:

— Принял меры. На всякий пожарный случай. Если вдруг приключится серьёзная задержка с обедом.

Пусть после этого кто-нибудь заявит, что «парижанин» недостаточно сообразительный. Он не просто реалистичный. Он истинно вперёдсмотрящий. Насколько предусмотрительный? Настолько: мудрый змей, да и только!

Могу ответственно заявить: у нашего приятеля словно шестое чувство сработало. Прав был на все сто касательно припасов: митинг на фабрике продолжался долго, а день интересный длился... Об этом малость погодя.

ЛОВУШКА

К фабрике — пожалуйста вам — двумя дорогами можно добираться. Или по шоссе вокруг пшеничного поля, колосающегося уже спелой желтизной. Или по не шибко утоптанной тропинке вдоль железнодорожной ветки. Колян в окрестностях ориентировался неплохо. Как бывший армеец и обитатель городка самый пронырливо-ушлый среди нас сразу доложил: учтите, время не терпит! обходной путь не годится!

В давние времена вагоны с готовыми брикетами подавали по «железке» на станцию. Сегодня между шпалами земля всё ещё сдобрена мазутом или креозотом, хотя вся ветка поросла будыльями какого-то очень жизнестойкого сорняка. Значит, направляемся к фабрике по тропе всё-таки?

Именно так. Потому что она короче шоссе. Наша дружная четвёрка подзадержалась со сборами, а час пуска цеха близок.

Сорняки папа зовёт обычно будыльями. А

раз травянистые заросли взяли тропу в полон, раз Анне-Лоре идти здесь не так чтоб удобно... Короче говоря, нахожу палку и принимаюсь изничтожать препятствия.

Чертополох здесь или не чертополох, однако моё занятие ребятам понравилось. Мы рубили все эти колючки, и они, словно капустные листья, разлетались во все стороны.

Сменяя друг друга, довольно быстро осилили половину дороги.

Анна-Лора вначале просто смотрела, а затем попросилась в первопроходцы. Мы спешили, поэтому несколько не ленились. Вскоре вышли на широкий прогал, что был метрах в четырёх от стальной колеи.

Посередине прогала — будто нарочно — поджидала нас глубокая рытвина с рыхлой землёй.

Походив вокруг неё, Колян решил обследовать местность и совершил широкий обходной маневр. После чего подошёл к нам и показал гильзу.

— Стреляная.

Костик повертел её в руках, поднёс к носу, на конце которого имелась, как известно, блямбочка. Покрутив носом, потеряв блямбочку, дотошный реалист объявил:

— Недавно пуляли. Пахнет порохом.

У Анны-Лоры появилось подозрение:

— Может, ночная стрельба в этом месте была?

— Может быть, но стреляли также в другой стороне, — подсказываю.

— Но здесь пуляли! Точнее точного! — Костик подводит черту под догадками.

Колян с нашими рассуждениями не спорит. Он просто прыгает в яму. Ему интересно, почему там земля особенная — словно вспаханная. Очутившись на дне, начинает крутить головой, нагибается. Вытаскивает из рыхлой кучи изогнутую железяку. Странное место ей здесь приурочено. Вот только трудно догадаться по внешнему её виду, для чего она служила.

Выбравшись к нам, пожимает плечами на молчаливый мой вопрос, отбрасывает загогулину в сторону. Он явно разочарован.

Поскольку ясности касательно ямы — с гулькин нос, мы разбредаемся в стороны, шарим в бурьяне. Находим след солдатского сапога. Потом ещё один.

— Ого! — восклицает Костик. — Да следов, гляжу, хватает!

— Если раньше возле рельсов побывали наши солдаты, — начинает размышлять Самопалов, — тогда...

— Тогда раньше них здесь побывали бандиты, — замечает сестра Курта. — Наверное, отсиживались в яме, чтобы потом напасть на замок.

Самопалов нас разочаровывает: ночью тут была какая-то схватка. Спору нет. Однако охотники за сокровищами явно ушли отсюда, они испарились ещё до появления солдат. После того как подполковник Ладейнин выехал из городка на «Симке», никаких новых выстрелов не было.

— Не было! — подтверждаю охотно. — Мы слышали бы. Если налётчики быстро испарились, то они могли это сделать не только с помощью машины.

Колян соглашаться не торопится, потому что по ветке поезда не ходят давно. А мне сдаваться не хочется, поэтому продолжаю гнуть свою линию:

— Допустим, тут был клад. Поезд необязателен. Налётчикам достаточно иметь самоходную тележку, чтобы увезти сокровище. Как её называют? Дрезина, кажется.

Поспорили. Идём дальше.

Куда пришли? Туда, куда хотели. На фабрику.

Показали приглашение. А когда оказались в цехе, Анна-Лора вдруг и говорит:

— Смотрите! Бургомистр стоит. Рядом с ним...

Я вижу человека среднего роста. Худого, в сильно поношенной одежде.

Решаю пошутить:

— Там стоит барон.

Сестра Курта всплескивает руками:

— Совершенно верно!

* * *

На фабрике запутанная история обрела для нашей четвёрки ясность.

Интересные события случились потом? Кое-что, конечно, происходило. Но дело не в этом: вскоре я и Машка вместе с родителями

собрали вещички, уехали домой. Когда сейчас мне вдруг припоминаются наши приключения, приходится лишь удивляться. Пересилив обстоятельства, смог барон-антифашист, любитель фарфоровой старины и красивых парусных кораблей, выжить, отбиться — не погибнуть в нацистском лазарете.

В завершение всего нашёл гитлеровцев, стерегущих драгоценное сокровище. Как он сумел после смерти бандитствующего предводителя втереться в доверие к оставшимся двоим, чтобы вместе с ними раскопать клад? Кто его знает, но сообразил, ухитрился всё же. Затем выбрал момент и, до конца распознав дальнейшие намерения разбойников-фашистов, уничтожил в перестрелке переодетых налётчиков: и капитана, и старшего лейтенанта.

Нет, но до чего ловкие и настойчивые эти коллекционеры, правда?

Теперь сокровища хранятся в замке. И вот что написал мне реалистичный Костик: они принадлежат народу, живётся им совсем неплохо. Насчёт фарфоровых драгоценных зверюшек если — в полном спокойствии пребывают в музее.

Мы всей семьёй год за годом путешествовали. Вначале по городкам возле Днепра, затем отправились в Забайкалье. Мне оставалось только вспоминать о прежних товарищах. Колян! Костик! Анна-Лора! Наша дружба... Знаю точно: вас никогда не забуду.

Борис Федорович КОЛЕСОВ

родился в 1943 году в Москве.

Работал в сфере периодики — в различных всесоюзных и общероссийских газетах и журналах.

Пишет прозу.

Автор книг: «Дашино лето» (1976), «Кто рассеянный?» (1977),

«Солдат и Ванюша» (1984), «По лунной дорожке» (1988),

которые выходили в издательствах «Малыш»,

«Детская литература», «Красноярское книжное издательство».

Живет в Москве.

